

ЭЛЕОНОРА МАКСВЕЛЛ

КОЗЫРНАЯ
ДАМА

ОН ВЫИГРАЛ ЕЁ.
ОН ДУМАЛ – ЭТО ПОБЕДА.
НО ОНА – ЕГО ГЛАВНЫЙ КОЗЫРЬ.

Элеонора Максвелл

Козырная дама.

«Автор»

2026

Максвелл Э.

Козырная дама. / Э. Максвелл — «Автор», 2026

«Козырная дама» — любовный роман с интригой, тайнами и сильной героиней, которая не собирается быть игрушкой в чужих руках. Её пытались сделать ставкой в опасной игре. Её судьбу решили без неё. Но никто не ожидал, что женщина, которую считали слабым местом, сама станет самым сильным ходом. В этой книге есть всё, что любят читатели эмоциональных романов: властный герой, героиня с характером, опасное притяжение, недоверие, тайны прошлого, предательство, роскошная атмосфера и любовь, которая рождается не сразу. Здесь чувства переплетаются с борьбой за свободу, а каждый выбор может изменить всё. Для тех, кто любит любовные романы с сильной драмой, напряжением, богатым героем, умной героиней, детективной интригой и красивым хеппи-эндом.

© Максвелл Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последняя ставка	5
Глава 2. Победитель забирает приз	13
Глава 3. Яхта «Козырная дама»	22
Глава 4. Живое украшение	30
Глава 5. Первая попытка побега	38
Глава 6. Человек без объяснений	46
Глава 7. Нина	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Элеонора Максвелл Козырная дама.

Глава 1. Последняя ставка

Виктор Ветров всегда верил, что существует одна-единственная минута, способная вернуть человеку всё, что он потерял. Не час, не день, не долгие месяцы трезвого труда и унижительных попыток исправить последствия собственных ошибок, а именно минута — тонкая, горячая, почти невидимая щель между падением и спасением, куда надо только успеть просунуть руку. Он жил этой верой столько лет, что уже не помнил, когда она впервые стала сильнее здравого смысла. Сначала она казалась ему дерзостью, потом надеждой, потом привычкой, а теперь, в глухой бархатной тишине закрытого покерного салона, где даже воздух был пропитан дорогим табаком, чужими духами и спокойствием людей, которым не приходилось считать последние деньги, эта вера стала последней частью его личности. Всё остальное уже было проиграно.

Клуб находился не на первой линии, где туристы фотографировали витрины и яхты, а выше, в старом особняке с фасадом цвета выгоревшего камня. Днём его можно было принять за закрытую виллу какого-нибудь коллекционера, но ночью за плотными шторами начиналась другая жизнь, недоступная случайным людям. Здесь не поднимали голос, не смеялись слишком громко, не хлопали ладонями по столу, даже когда партия становилась безумной. Здесь проигрывали состояния так, будто отдавали официанту пальто, и выигрывали чужие слабости с той же бесстрастной вежливостью, с какой принимали бокал шампанского. Виктор попал сюда не впервые, но в эту ночь всё вокруг казалось ему особенно неподвижным, словно дом заранее знал, чем закончится игра, и теперь только терпеливо ждал, когда человек сам дойдёт до края.

Он сидел за столом уже больше четырёх часов. Перед ним почти не осталось фишек, а те, что лежали у локтя, выглядели не ставкой, а насмешкой. Они были слишком лёгкими для того, что он хотел ими вернуть, слишком маленькими для той пропасти, которая раскрылась за последние месяцы под его ногами. У него больше не было квартиры в Москве, потому что квартира давно перешла в залог и затем исчезла из его жизни с сухой простотой юридической бумаги. У него больше не было машины, счетов, старых знакомых, которые когда-то охотно садились с ним ужинать и слушали его истории о будущих проектах. Даже имя его, прежде звучавшее в небольшом кругу азартных людей с оттенком завистливого уважения, теперь произносили иначе — чуть медленнее, с еле заметной паузой, как произносят имя человека, от которого ждут не удачи, а окончательного унижения.

Но Виктор всё ещё держался. Внешне он умел держаться почти красиво. Его пальцы не дрожали, когда он поднимал карты. Он не вытирал лоб, хотя под воротником рубашки давно собиралась влажная усталость. Он даже улыбался, когда проигрывал, и эта улыбка была последней роскошью человека, которому больше нечего предложить миру, кроме воспоминания о собственной прежней уверенности. Он понимал, что выглядит хуже, чем хотелось бы: лицо осунулось, взгляд стал слишком пристальным, кожа под глазами потемнела после нескольких бессонных ночей. Но пока он сидел за столом, пока карты касались его пальцев, пока чужие фишки двигались по зелёному сукну, он мог делать вид, что ещё не рухнул окончательно.

Напротив него сидел Максим Рейнер.

Виктор знал о нём меньше, чем хотел бы, и больше, чем было нужно для спокойствия. Рейнер не принадлежал к тому типу игроков, которые приходят в клуб за всплеском крови и восторгом риска. Он не пил лишнего, не просил удачу быть к нему благосклонной, не вступал в пустые разговоры, которыми другие пытались расшатать противника. Он сидел немного откинувшись в кресле, и на его лице не отражалось почти ничего: ни скуки, ни жадности, ни торжества. В этом спокойствии было что-то раздражающее, почти оскорбительное для Виктора, потому что рядом с Рейнером любое чужое волнение становилось видимым. Он не давил на людей словами, не демонстрировал власть нарочито, но всё равно создавал вокруг себя пространство, где остальные начинали вести себя осторожнее.

Виктор несколько раз ловил его взгляд и каждый раз отводил глаза первым, хотя ненавидел себя за это. Не потому, что боялся Рейнера открыто, нет, страх в нём давно смешался с усталостью и потерял чёткую форму. Скорее потому, что в этом взгляде не было ни сочувствия, ни презрения, а только холодная внимательность человека, который видит не жесты и маски, а внутренний расчёт, последние судороги надежды, тайную готовность переступить черту. Виктору хотелось, чтобы Максим ошибся. Хотелось выиграть у него хотя бы одну крупную раздачу, заставить это неподвижное лицо дрогнуть, вернуть себе ощущение силы, но карты всю ночь ложились так, будто сама игра устала терпеть его самообман.

Слева от Виктора сидел Роман Кравец, человек с мягкими манерами и глазами, в которых не задерживался свет. Он был из тех, кто умел казаться почти добродушным, пока разговор

оставался безопасным, но за этой мягкостью чувствовалась привычка приказывать без свидетелей. Кравец не раздражался, когда проигрывал мелкие банки, и не радовался открыто, когда выигрывал большие. Он смотрел на Виктора с ленивым интересом, словно не столько играл против него, сколько наблюдал за тем, как далеко тот готов зайти. Иногда он чуть улыбался краем губ, и от этой улыбки Виктору становилось холоднее, чем от молчания Рейнера. Рейнер мог уничтожить тебя за столом, но Кравец, казалось, был способен вынести игру за пределы стола, туда, где фишки превращаются в подписи, подписи — в обязательства, а обязательства — в чужую жизнь.

Ночь тянулась вязко. За окном, за плотными тёмными шторами, Лазурный берег продолжал жить своим блестящим праздничным обманом: где-то на набережной смеялись люди, в ресторанах гасли свечи, в гавани покачивались яхты, похожие издали на освещённые дворцы. Но в комнате, где сидел Виктор, не было ни моря, ни отдыха, ни южной лёгкости. Здесь время измерялось не часами, а раздачами. Карты открывались и исчезали, крупье с бесстрастной точностью собирал проигранное, официант бесшумно заменял бокалы, пепельницы оставались почти пустыми, потому что здесь даже курили так, будто не хотели оставлять следов.

Виктор проиграл последние реальные деньги незадолго до полуночи. Он понял это не сразу, хотя арифметика была проста и безжалостна. Несколько секунд он смотрел на пустое место перед собой, где ещё недавно лежала аккуратная башенка фишек, и в голове его возникло странное ощущение белого шума. Не паника — паника требует энергии, а энергии уже почти не осталось. Скорее глухая остановка, как если бы внутри него кто-то выключил звук. Он слышал, как один из игроков тихо сказал что-то по-французски, слышал, как Кравец провёл пальцем по краю бокала, слышал даже далёкий бас музыки из нижнего зала, но всё это не имело отношения к нему. Он был человеком, который подошёл к двери, за которой ничего нет, и всё ещё пытался убедить себя, что за ней окажется лестница наверх.

— Достаточно, Виктор, — произнёс кто-то за столом, кажется, Кравец, но голос прозвучал так мягко, что мог сойти за заботу. — Иногда надо уметь остановиться.

Виктор поднял глаза. Ему показалось, что все ждут именно этого: не его ухода, а его последнего движения. В их лицах не было нетерпения, только особая сосредоточенность людей, для которых чужое падение давно стало частью развлечения. Он вдруг ощутил, что если сейчас встанет, если признает поражение, если выйдет из комнаты и спустится по мраморной лестнице к тёплой ночи, то за ним всё равно пойдут. Не сразу, не шумно, не здесь. Его найдут утром, днём, через неделю. Долги не останутся на зелёном сукне, потому что за этой игрой стояли не только деньги. За ней стояли подписи, которые он поставил слишком легко, обещания, которые давал слишком уверенно, и люди, которые не прощали слабости тем, кто пытался казаться хитрее их.

Он подумал об Алисе.

Эта мысль пришла не как спасение, а как боль, от которой он давно отучился отворачиваться. Алиса была единственным, что в его жизни ещё не успело окончательно испортиться от его прикосновения. Не потому, что он был хорошим отцом. Эту ложь Виктор даже самому себе уже не мог сказать без внутренней усмешки. Он любил дочь, но его любовь слишком часто оказывалась слабее очередной партии, очередной просьбы о займе, очередного обещания, что вот теперь он точно всё исправит. Алиса рано научилась смотреть на него взрослым взглядом, в котором жалость боролась с усталостью. Она перестала задавать вопросы о его делах, потому что ответы всегда были либо ложью, либо началом новой лжи. И всё же в самые тёмные минуты Виктор думал о ней не как о судьбе, а как о последнем человеке, перед которым ещё хотелось однажды выпрямиться.

Он вспомнил её в детстве, на кухне старой квартиры, когда она сидела на подоконнике и болтала ногами, пока он показывал ей карточные фокусы. Тогда карты были игрой, ловкостью рук, маленьким чудом, которое заставляло её смеяться. Он помнил этот смех, и память о нём

была такой чистой, что на секунду ему стало почти невыносимо сидеть здесь, среди людей, превративших карты в инструмент власти. Потом воспоминание исчезло, уступив место другой Алисе — взрослой, замкнутой, красивой в своей сдержанности, с лицом, на котором всё реже появлялось доверие. Она, конечно, возненавидела бы его, если бы знала, куда он пришёл этой ночью. Хотя, возможно, она уже давно ненавидела и только из жалости не произносила этого вслух.

Крупье начал собирать карты, но Виктор вдруг накрыл ладонью край стола. Движение было почти незаметным, однако за столом сразу стало тише. Он почувствовал, как несколько взглядов остановились на его руке. Эта тишина наполнила его странной решимостью. В голове вспыхнула мысль, безумная и отвратительная, но вместе с тем удивительно ясная: ему нужно не уйти, а продолжить. Нужно найти ставку, которая заставит этих людей снова принять его в игру. Не из уважения — уважение он потерял, — а из интереса. У него ещё оставалось имя. Оставалась кровь. Оставалось то, что нельзя было положить на стол, но можно было произнести, если человек уже достаточно низко упал, чтобы не слышать собственного сердца.

Кравец смотрел на него почти ласково.

— У вас больше нет покрытия, — сказал он негромко. — Если, конечно, вы не скрывали от нас что-то особенно ценное.

Виктор понял, что это не случайная фраза. Она была брошена точно, как крючок в мутную воду. Возможно, Кравец давно ждал этого момента. Возможно, всё вокруг было подстроено так, чтобы привести его сюда, к последней черте, где человек уже не различает, что предлагает сам, а что ему незаметно вложили в рот. Виктор хотел промолчать. Правда хотел. Он даже почувствовал, как тело пытается подняться, как колени напряглись под столом, как внутри возник слабый, почти забытый инстинкт отца, который должен был встать и уйти, пока ещё не поздно. Но рядом с этим инстинктом жила другая сила — старая, голодная, унижительная. Она шептала, что один выигрыш всё изменит, что после него он выкупит все расписки, исчезнет с Алисой из этого круга, попросит у неё прощения не пустыми словами, а спасённой жизнью. Ему нужно было только получить шанс.

Максим Рейнер впервые за долгое время чуть заметно изменил позу. Он не сказал ничего, но его взгляд стал острее. Виктор ощутил это мгновенно, как ощущают перемену давления перед бурей. Рейнер будто понял, куда движется мысль за столом, раньше самого Виктора. И в этом понимании не было одобрения.

— Я могу поставить то, что дороже денег, — произнёс Виктор.

Голос его оказался ниже, чем он ожидал. Он не дрогнул, и это почему-то показалось ему победой. Никто не переспросил сразу. Несколько секунд фраза висела над столом, принимая форму, становясь реальностью, к которой ещё можно было не прикоснуться. Виктор слышал собственное дыхание и почему-то думал, что если сейчас кто-нибудь рассмеётся, если назовёт его сумасшедшим, если остановит эту мерзость чужим презрением, то он, может быть, будет спасён. Но никто не смеялся. Кравец только медленно поставил бокал на стол.

— Что именно? — спросил он.

Виктор посмотрел на свои пустые руки. Внутри него что-то отчаянно отступило, но он уже шёл следом за произнесённой фразой, как человек, который падает и всё ещё пытается придать падению вид прыжка. Он сказал себе, что это лишь формальность, лишь способ продолжить игру, лишь временное безумие, которое он тут же исправит выигрышем. Он сказал себе, что никто не посмеет тронуть Алису по-настоящему, что подобные ставки существуют только в тёмных разговорах богатых подонков, но не в реальности. Он сказал себе всё, что должен был сказать человек, готовящийся совершить предательство и всё ещё желающий выглядеть перед собой жертвой обстоятельств.

— Моя дочь, — сказал Виктор.

На этот раз тишина стала иной. Не удивлённой и не возмущённой, а плотной, оценивающей. Слова упали на стол, и ни один из сидящих за ним не сделал вида, что не понял. Юридически такая ставка была ничем, пустотой, грязным звуком, который должен был вызвать немедленное отвращение. Но в этой комнате давно существовали свои законы, и именно они, невидимые и холодные, вдруг сомкнулись вокруг имени Алисы. Виктор почувствовал, как его бросило в жар. Он хотел добавить, что это не всерьёз, что он говорит о праве переговоров, о поручительстве, о каком-то ином залоге, но любое уточнение только сделало бы сказанное ещё грязнее. Поэтому он промолчал.

Максим Рейнер медленно положил карты рубашкой вниз. Этот жест не был резким, но в нём появилась такая окончательность, что Виктор впервые за ночь испугался по-настоящему. Не Кравца, не долгов, не будущего, а самого себя, потому что понял: назад уже почти невозможно. Кравец, напротив, выглядел спокойным, даже довольным, будто не услышал ничего невероятного. Для него человеческое имя, произнесённое как ставка, не было шоком. Оно было возможностью.

— Алиса Ветрова, — произнёс он, словно пробуя имя на вкус. — Насколько я понимаю, она совершеннолетняя. Красивая. Умная. Непокорная, если верить тому, что о ней говорят.

Виктор вздрогнул. Ему стало мерзко от того, что Кравец знает о ней. Мерзко и страшно, потому что это означало: имя дочери было не случайно вытащено из темноты этой ночью. Оно уже давно существовало где-то в чужих разговорах, в чужих расчетах, в чужом ожидании. Он вдруг понял, что, возможно, его привели к этой ставке медленно и точно, как ведут ослабевшего зверя к расставленной сети. Но вместо того чтобы вскочить, опрокинуть стол, ударить Кравца, закричать, он сидел неподвижно. Потому что даже понимание собственной ловушки не уничтожало жажду последнего шанса.

— Она не имеет отношения к моим долгам, — сказал он, и в этих словах прозвучало жалкое эхо отцовства, слишком позднее, чтобы что-то изменить.

Кравец едва заметно улыбнулся.

— Тогда не ставьте её.

Эта простая фраза должна была спасти его. Она оставляла выход, пусть унижительный, но настоящий. Виктор мог встать. Мог сказать, что сошёл с ума на минуту. Мог принять поражение и, возможно, хотя бы в одном поступке остаться отцом. Он даже увидел этот путь перед собой, но он показался ему таким узким, таким бедным, таким окончательным, что Виктор испугался его сильнее безумия. Если уйти сейчас, всё будет кончено. Если сыграть — оставался шанс. И зависимость, похожая на молитву, снова произнесла внутри него: всего одна раздача.

Максим молчал. Его молчание стало почти физическим препятствием, но Виктор не умел читать такие предупреждения. Он видел только человека, который может принять ставку или отказаться от неё, и в тайной, жалкой глубине надеялся, что именно Рейнер откажется, тем самым сняв с него ответственность. Но Максим не отказался сразу. Он смотрел не на Виктора, а на Кравца, и в этом взгляде впервые появилась жёсткость, не имеющая отношения к игре. Между ними прошла безмолвная линия, которую Виктор почувствовал, но не понял.

— Условия должны быть ясными, — сказал Рейнер.

Кравец медленно повернул к нему голову. В комнате будто стало меньше воздуха. Виктору показалось, что остальные игроки исчезли, отступили в полумрак, оставив за столом только этих двоих и его самого — жалкого посредника собственной беды. Он не понял, почему Максим вступил именно сейчас. Не понял, спасает он Алису или, наоборот, делает ставку реальной. Но было поздно требовать ясности от мира, в котором он сам всё запутал.

Условия не произносились громко. Они обрастали полунамёками, осторожными фразами, взглядами на человека у двери, который, кажется, не был ни официантом, ни охранником в обычном смысле. Речь шла не о законном владении, конечно. Никто не был настолько глуп, чтобы называть преступление преступлением там, где стены могли иметь уши. Говорили

о долгах Виктора, о его обязательствах, о необходимости личного присутствия Алисы на яхте победителя до окончательного урегулирования вопросов. Говорили так, будто обсуждали перемещение ценного предмета, который требует деликатного обращения. Виктор слушал и всё больше бледнел, потому что каждая вежливая формулировка делала происходящее страшнее. Грубость, возможно, дала бы ему повод возмутиться. Вежливость лишала его даже этой роскоши.

Последняя раздача началась почти буднично. Крупье раздал карты с той же безупречной точностью, с какой делал это всю ночь. Ничто не дрогнуло в его лице, когда на стол была поставлена судьба живой женщины. Виктор взял карты и на мгновение почувствовал странный подъём, знакомый до боли. Вот она, минута. Вот тот самый просвет, ради которого он терпел всё. Рука оказалась сильной, достаточно сильной, чтобы сердце ударило чаще. Он заставил себя не смотреть на Рейнера, не смотреть на Кравца, не думать об Алисе. Сейчас существовали только карты, вероятность, чужие ставки и его способность выдержать лицо до конца.

Но лицо уже не принадлежало ему полностью. Внутри, под тонким слоем возбуждения, шевелился ужас. Он вспоминал, как Алиса в последний раз смотрела на него у двери, когда он обещал, что едет на встречу по работе. Она ничего не сказала, только задержала взгляд чуть дольше обычного, и в этом молчании было всё, чего он боялся: недоверие, усталость и последняя просьба не лгать хотя бы сегодня. Он солгал. Теперь эта ложь сидела рядом с ним за столом, невидимая, но живая, и смотрела его глазами на карты.

Ставки росли. Кравец играл мягко, как человек, уверенный в своей власти над ситуацией. Рейнер — ровно, почти бесстрастно, но Виктор видел, что между ними идёт отдельная борьба, смысл которой ускользает от него. В какой-то момент ему показалось, что Максим намеренно держится в игре не ради выигрыша, а ради того, чтобы не дать выиграть Кравцу. Мысль была нелепой. Почему Рейнеру должно быть дело до Алисы? Почему человек такого круга вдруг стал бы защищать дочь проигравшегося шулера от другого хищника? Виктор отогнал это предположение, потому что оно делало его собственный поступок ещё более отвратительным. Проще было верить, что все они одинаковы.

Когда на стол легла последняя карта, Виктор уже знал, что проиграл. Он понял это по лицам раньше, чем разум сложил комбинации. Кравец не улыбнулся, но его глаза потемнели от удовольствия. Рейнер оставался неподвижен. Виктор попытался вдохнуть, но воздух не прошёл глубоко, застрял где-то под рёбрами. Всё вокруг стало слишком чётким: зелёное сукно, край карты, тонкая золотая полоска на запястье крупье, капля влаги на стенке бокала. В такие секунды реальность не расплывается, как пишут в дешёвых романах. Напротив, она становится беспощадно ясной, потому что уже не оставляет места надежде.

Кравец потянулся к банку, но Максим остановил его одним словом.

— Нет.

Это было сказано негромко, почти спокойно, но рука Кравца замерла. За столом никто не пошевелился. Виктор поднял голову, не понимая, что происходит. Максим открыл свои карты. Несколько секунд смысл комбинации не доходил до Виктора, потому что он уже принял поражение и не ожидал нового поворота. Потом он понял: Рейнер выиграл. Не он, не Кравец. Рейнер. Человек, который всю ночь казался чужим самой сути этой грязной игры, оказался победителем последней ставки.

Кравец смотрел на Максима без улыбки. В его лице впервые появилась тень настоящего раздражения, быстро скрытая, но всё же заметная. Между ними снова протянулось то безмолвное напряжение, которого Виктор не понимал. Он должен был испытать облегчение оттого, что Алиса досталась не Кравцу, но слово «досталась» было таким чудовищным, что облегчение тут же превратилось в тошноту. Его дочь всё равно была произнесена за столом как вещь. Его дочь всё равно стала частью чужой партии. И сделал это он.

Максим собрал выигрыш не сразу. Он посмотрел на Виктора, и в этом взгляде не было торжества. Если бы Рейнер усмехнулся, если бы сказал что-нибудь о победе, Виктору, возможно, стало бы легче ненавидеть его. Но Максим молчал, и это молчание было тяжелее любого оскорбления. Оно не позволяло спрятаться за образ злодея, не позволяло сказать себе, что всё случилось только потому, что вокруг сидели чудовища. Нет, одно чудовище Виктор прекрасно знал. Оно сидело внутри него самого и только что назвало имя дочери в качестве последней ставки.

— Вы понимаете, что сделали? — спросил Максим.

Вопрос прозвучал тихо, но Виктор почувствовал, как от него поднимается холод по спине. Он хотел ответить резко, хотел сказать, что всё исправит, что это только игра, что никто не имеет права. Но ни одна из этих фраз не выдерживала веса случившегося. Он понимал. Именно поэтому не мог говорить.

Кравец поднялся первым. Его движение вернуло комнате прежнюю вежливую форму, но теперь эта форма казалась тонкой оболочкой над чем-то гнилым. Он застегнул пиджак, посмотрел на Рейнера и произнёс почти любезно:

— Надеюсь, вы знаете, что выигрыши такого рода создают обязательства.

Максим не ответил сразу. Он тоже поднялся, и только тогда Виктор вдруг увидел, насколько он выше и собраннее всех за столом. Не физически даже, а внутренне. В нём не было пьянящей радости победителя, только усталое, жёсткое решение, уже принятое где-то глубоко.

— Я всегда знаю цену тому, что забираю, — сказал он.

Для всех остальных это могло прозвучать как фраза владельца, как холодное подтверждение права победителя. Для Виктора она прозвучала иначе, но он не смог бы объяснить почему. В этих словах было что-то слишком мрачное для торжества и слишком личное для простой сделки. Однако ему уже не хватало сил разбираться в оттенках. Он сидел неподвижно, пока люди вокруг расходились, пока крупье убирал карты, пока кто-то подписывал бумаги, которые не должны были существовать, и кто-то у двери тихо получал распоряжения. Ночь продолжалась, но Виктор чувствовал себя человеком, пережившим собственную смерть и почему-то оставленным смотреть на последствия.

Когда он наконец вышел из салона, предрассветный воздух ударил в лицо влажной прохладой. Над побережьем ещё не поднялось солнце, но темнота уже начала светлеть по краям. Внизу, у гавани, мерцали огни яхт, и одна из них — большая, белая, безупречная — стояла чуть дальше остальных, словно отдельный остров чужой власти. Виктор не знал ещё её названия, но скоро узнает. Он стоял на каменных ступенях особняка, держась за перила, и впервые за много лет не мог придумать себе оправдания, достаточно убедительного, чтобы продолжать дышать легче.

В кармане его пиджака завибрировал телефон. На экране высветилось имя Алисы.

Виктор смотрел на него долго, пока звонок не оборвался. Потом экран погас, и в этом тёмном стекле он увидел своё лицо — постаревшее, серое, чужое. Он не перезвонил. Не потому, что не хотел услышать её голос. Наоборот, именно поэтому. Если бы Алиса сейчас спросила, где он, если бы в её голосе прозвучала обычная сдержанная усталость, если бы она сказала ему вернуться домой, он, возможно, впервые в жизни не смог бы солгать.

За его спиной закрылась дверь клуба. Где-то внутри продолжали говорить люди, для которых эта ночь была лишь ещё одной партией, пусть и необычной. Для Виктора же она стала концом всего, что ещё можно было назвать отцовством. Он проиграл не деньги и не последнюю возможность выбраться из долгов. Он проиграл право смотреть дочери в глаза, не опуская своих.

И там, внизу, среди холодного блеска гавани, ждала яхта, на которую вскоре приведут Алису Ветрову — женщину, чьё имя этой ночью превратили в ставку, но чью судьбу ещё никто за этим столом по-настоящему не знал.

Глава 2. Победитель забирает приз

Алиса Ветрова проснулась поздно, хотя почти не спала. Ночь оставила в комнате тяжёлый привкус тревоги, тот самый, который не имеет ясной причины и потому мучает сильнее обычного страха. За окном было светло, тонкие занавески пропускали рассеянное утреннее сияние, и где-то далеко, за крышами и узкими улицами прибрежного города, угадывалось море, спокойное, равнодушное, слишком красивое для того, чтобы рядом с ним могла существовать такая усталость. Алиса лежала несколько минут неподвижно, не открывая глаз окончательно, и прислушивалась к квартире. В ней не было отца. Это отсутствие давно стало привычным, но сегодня оно ощущалось иначе, не как пустота после очередной ночной прогулки или сомнительной встречи, а как след от чего-то уже случившегося, непоправимого и чужого, хотя пока ещё не названного.

Она поднялась не сразу. Сначала посмотрела на телефон, где не было ни пропущенного звонка от Виктора, ни сообщения, ни даже короткого лживого «всё нормально», которым он иногда пытался закрыть дыру между ними. Вчера вечером он сказал, что едет на встречу по

работе, и Алиса почти не спорила. Она только посмотрела на него, слишком хорошо зная этот тон — бодрый, чуть торопливый, с неестественной лёгкостью человека, который надеется проскользнуть мимо вопросов. Раньше она задавала их. Раньше требовала подробностей, ловила противоречия, ждала, что однажды отец устанет врать и скажет правду хотя бы из уважения к её усталости. Теперь она чаще молчала, потому что каждый новый ответ лишь подтверждал старую болезнь: Виктор Ветров жил так, словно где-то впереди его ждёт счастливый поворот, а все люди вокруг обязаны потерпеть до этой минуты.

Квартира, которую они снимали последние месяцы, была слишком аккуратной для настоящего дома. Алиса не любила её именно за эту временность: светлые стены без памяти, мебель без характера, посуда, купленная наспех, чемодан в углу, который так и не был разобран до конца. Их прежняя жизнь исчезала слоями, и каждый новый слой был дешевле, суше, беднее прежнего. Сначала ушли вещи, которые можно было назвать лишними. Потом те, к которым были привязаны воспоминания. Потом сама возможность делать вид, что это временные трудности. Отец умел объяснять каждую потерю отдельно, почти убедительно, но Алиса давно видела общую картину: неудачи не преследовали его, он сам шаг за шагом шёл им навстречу, и всякий раз называл это шансом.

Она сварила кофе и не стала завтракать. На столе лежала вчерашняя газета, которую отец принёс не для чтения, а чтобы выглядеть человеком с обычными утренними привычками. Рядом — его зажигалка, тонкая, дорогая, нелепо сохранившаяся среди исчезнувшей роскоши. Алиса взяла её в руки, повертела и положила обратно. Ей стало неприятно от того, что эта маленькая вещь пережила почти всё: проданную квартиру, закрытые счета, драгоценности матери, которые Виктор когда-то клялся не трогать. Иногда ей казалось, что отец цепляется не за жизнь, а за остатки образа, в котором когда-то был обаятельным, уверенным, любимым. Он не хотел становиться лучше. Он хотел снова выглядеть выигравшим.

Телефон молчал. Алиса набрала его номер один раз, потом второй. На третьем звонке услышала сухой голос автоответчика и положила трубку, не оставив сообщения. Она знала, что если начнёт говорить, голос выдаст больше, чем ей хотелось бы: не только злость, но и страх, не только презрение, но и ту старую, почти детскую надежду, что отец всё-таки вернётся, виновато улыбнётся, скажет что-нибудь нелепое, а потом впервые за долгое время не попросит у неё ни денег, ни доверия. Алиса ненавидела эту надежду за живучесть. Она считала себя взрослой, достаточно трезвой, достаточно гордой, чтобы больше не ждать от Виктора чудес, но внутри всё равно оставалось место, которое каждый раз вздрагивало при звуке шагов за дверью.

К полудню тревога стала плотнее. Алиса пыталась читать, потом открыла ноутбук, проверила письма, ответила на одно сообщение по работе, но смысл текста ускользал. Она ловила себя на том, что слушает лифт в подъезде, приглушённые голоса на лестнице, шум машин под окнами. Где-то внизу хлопнула дверь, и сердце её болезненно ударило, хотя она тут же разозлилась на себя за эту слабость. Отец был не мальчиком, которого можно потерять в толпе. Он сам выбирал исчезать. Сам выбирал людей, рядом с которыми нормальный человек стал бы осторожнее. Сам выбирал карты, долги, риск, а потом возвращался к ней с лицом человека, которого надо пожалеть, потому что он и так наказан жизнью.

Она стояла у окна, когда в дверь позвонили.

Звонок был коротким и уверенным, не похожим на торопливый нажим курьера или нетерпение соседа. Алиса обернулась, и первое, что почувствовала, было не ожидание отца, а ледяное понимание: Виктор так не звонил бы. Он всегда шарил ключом в замке, иногда ронял что-нибудь в коридоре, иногда, если был пьян или слишком подавлен, мог несколько секунд стоять за дверью, будто собираясь с силами войти в собственную жизнь. Человек за дверью не собирался с силами. Он просто ждал, и в этом ожидании было достаточно власти, чтобы квартира вдруг показалась меньше.

Алиса подошла к двери не сразу. Сначала посмотрела в глазок и увидела мужчину, которого не знала, но почему-то сразу поняла, что он не из тех, кого можно заставить уйти простым молчанием. Он стоял спокойно, чуть отступив от двери, как будто не хотел приближаться больше необходимого. Тёмный костюм, белая рубашка без галстука, лицо, на котором трудно было угадать возраст с первого взгляда: не юное, но не старое, слишком собранное, чтобы казаться открытым. Он не смотрел в глазок, не поправлял рукава, не проявлял нетерпения. Рядом, чуть дальше, в тени площадки стояли ещё двое мужчин. Они держались так, что не требовалось объяснять, зачем они пришли.

Алиса открыла дверь на цепочку.

— Алиса Ветрова? — спросил незнакомец.

Голос у него был низкий, ровный, без грубости и без той подчеркнутой любезности, которая часто оказывается хуже грубости. Он произнёс её имя так, будто оно уже давно было ему известно, и от этого Алиса почувствовала холодную злость. Она не любила, когда чужие люди входили в её жизнь через отцовские долги и сразу говорили с ней так, словно имеют право на ясность, которой сам Виктор никогда ей не давал.

— Кто вы?

Мужчина выдержал короткую паузу. Не театральную, не рассчитанную на эффект, а скорее необходимую ему самому, чтобы выбрать форму правды, которую можно произнести у чужой двери.

— Максим Рейнер.

Имя ничего не сказала ей сразу, но по тому, как один из стоявших позади мужчин чуть изменил позу, Алиса поняла: это имя должно было что-то значить. Она сильнее сжала край двери и впервые за утро почувствовала не расплывчатую тревогу, а ясную опасность. Максим Рейнер не был похож на человека, который пришёл просить. Он не был похож и на обычного коллектора, тех она уже видела: нервных, наглых, пахнувших дешёвым кофе и угрозами, которые они сами произносили с удовольствием. Этот мужчина был из другого мира, и именно поэтому его появление рядом с их временной квартирой выглядело страшнее.

— Мне нужно поговорить с вами о Викторе Ветрове, — сказал он.

Алиса не открыла дверь шире.

— Тогда говорите через дверь.

Она ожидала раздражения, но он не раздражался. Это почему-то задело её сильнее, чем если бы он начал давить. Спокойствие Максима Рейнера было не равнодушием и не вежливостью. Оно казалось привычкой человека, который давно научился не тратить лишних движений даже тогда, когда решает чужую судьбу.

— Ваш отец прошлой ночью участвовал в закрытой игре, — произнёс он. — И проиграл.

Алиса закрыла глаза на секунду. Не от удивления. Удивление закончилось в её жизни раньше, чем ей исполнилось двадцать. Она слишком хорошо знала эту фразу, её внутреннюю форму, её последствия. «Проиграл» могло означать любую новую беду: ещё один долг, ещё один залог, ещё одну просьбу потерпеть, ещё один кусок будущего, отрезанный от её жизни и брошенный на стол перед людьми, которым не было дела до того, как она будет потом собирать обломки. Но на этот раз в голосе незнакомца было нечто такое, что не позволяло принять случившееся как обычное падение Виктора.

— Сколько? — спросила она.

Максим не ответил сразу. Его взгляд скользнул по цепочке, по её руке, по лицу, но в нём не было той оценивающей наглости, к которой Алиса давно приготовилась. Он смотрел внимательно, почти тяжело, словно видел перед собой не случайную дочь должника, а человека, которому сейчас придётся причинить боль.

— Он проиграл не только деньги.

Сначала смысл этих слов не дошёл до неё. Сознание отказалось принимать форму фразы, потому что она была слишком нелепой, слишком грязной, слишком невозможной для обычного дневного света в обычной квартире, где на кухне остывал кофе и на стуле висел её кардиган. Алиса смотрела на Максима и чувствовала, как внутри поднимается медленная волна отвращения. Не страха ещё, нет. Страх придёт позже. Первой пришла злость, чистая и острая, потому что она вдруг поняла: что бы ни сделал отец, эти люди пришли говорить о ней так, как говорили о его собственности.

— Где он? — спросила она.

— Жив.

— Я спросила, где он.

Максим слегка опустил взгляд, и эта маленькая задержка сказала ей больше, чем ответ. Отец не пришёл сам. Не позвонил. Не предупредил. Он снова оставил её встречать последствия одной, как будто она была сильнее его не по характеру, а по обязанности. Алиса почувствовала, как прежняя боль, знакомая до унижения, вдруг стала такой сильной, что захотелось ударить ладонью по двери, закричать, рассмеяться в лицо этому спокойному мужчине. Но она не сделала ничего. Гордость удержала её ровнее, чем выдержка.

— Ваш отец поставил вас в игре, — сказал Максим.

В комнате за спиной Алисы будто исчез воздух. Она смотрела на него через узкую щель двери, и в первую секунду не могла даже возмутиться, потому что услышанное не помещалось в реальность. Поставил вас. Эти слова не были криком, угрозой или пошлой шуткой. Они были произнесены ровно, и именно эта ровность делала их чудовищными. Если бы Максим улыбнулся, если бы позволил себе хоть тень торжества, она могла бы захлопнуть дверь и подумать, что перед ней сумасшедший. Но он не улыбался.

Алиса медленно сняла дверь с цепочки и распахнула её шире. Не потому, что поверила ему или согласилась слушать, а потому что унижение оказалось настолько большим, что прятаться за щелью стало невозможно. Она стояла перед ним в простом домашнем платье, с собранными небрежно волосами, без макияжа, и вдруг почувствовала не уязвимость, а холодную, почти болезненную ясность. Если отец действительно произнёс её имя за карточным столом, то стыд должен был принадлежать не ей. Ни одна частица этого позора не была её.

— Повторите, — сказала она.

В лице Максима впервые мелькнуло что-то похожее на нежелание. Но он повторил, потому что, вероятно, привык доводить неприятное до конца.

— Виктор Ветров назвал вас своей последней ставкой. И проиграл.

Алиса резко усмехнулась, хотя смеха в ней не было.

— Людей нельзя проигрывать.

— Нельзя.

Ответ прозвучал слишком быстро и слишком твёрдо. Она ожидала другого. Ожидала, что он начнёт говорить о долгах, обязательствах, условиях, о том, что её отец сам согласился, что теперь поздно спорить. Но Максим сказал «нельзя» так, будто был с ней согласен, и это на миг сбilo её сильнее самой новости.

— Тогда что вы здесь делаете?

Он не отвёл взгляда.

— Забираю вас с собой.

Вот теперь страх пришёл. Не громкий, не заметный снаружи, а внутренний, ледяной, мгновенно собравший все мысли в одну точку. Алиса посмотрела за его плечо, на двух мужчин в коридоре. Они не двигались, но их неподвижность была достаточно выразительной. Она поняла, что если попытается закрыть дверь, её, возможно, не станут ломать сразу. Максим не выглядел человеком, который любит грубые сцены. Но эта сдержанность не обещала безопас-

ности. Она только говорила, что всё уже решено на другом уровне, там, куда её никто не приглашал.

— Вы сошли с ума, — произнесла она тихо.

— Возможно, вам будет легче думать так.

— Мне не нужно, чтобы вы решали, как мне будет легче.

Он принял это без видимой реакции. И снова его спокойствие задело её почти физически. Алиса хотела увидеть в нём хищника, простого и понятного, человека, который наслаждается властью. Но перед ней стоял не тот, кто пришёл наслаждаться. Он был жёстким, закрытым, опасным, однако в нём не было дешёвого торжества. От этого всё становилось хуже. Если чудовище не выглядит чудовищем, его труднее ненавидеть просто. Но Алиса не собиралась облегчать ему задачу.

Она отступила на шаг в квартиру, не приглашая его войти. Максим всё равно не переступил порог без её движения, и эта странная вежливость показалась ей почти издевательской. После слов о том, что её «забирают», любые остатки этикета выглядели грязной игрой, лакированной поверхностью над насилием. Алиса вдруг подумала об отце: как он сидел за столом, как произносил её имя, как, возможно, пытался убедить себя, что это не всерьёз. Она знала его слишком хорошо. Он наверняка нашёл оправдание ещё до того, как предал её окончательно. Виктор всегда умел сделать себя жертвой даже в момент, когда ранил другого.

— Я никауда с вами не поеду, — сказала она.

Максим посмотрел на неё так, будто этот ответ был ожидаемым и даже необходимым.

— Поедете.

В этом не было угрозы голосом. Он просто констатировал факт, и от этой уверенности Алиса ощутила такую ярость, что на секунду всё вокруг стало особенно ясным: его тёмные глаза, линия скул, дорогая ткань пиджака, собственные пальцы, побелевшие от напряжения. Она вдруг увидела, как абсурдно выглядит эта сцена со стороны. Мужчина из мира частных яхт и закрытых клубов стоит у двери съёмной квартиры и говорит взрослой женщине, что она должна уехать с ним, потому что её отец проиграл её в карты. Такого не должно было существовать. Но оно существовало, и именно поэтому ей нельзя было показывать слабость.

— Вы можете передать моему отцу, — произнесла она медленно, — что если он жив, пусть сам придёт и посмотрит мне в глаза.

— Он не придёт.

Эти три слова ударили сильнее, чем вся предыдущая жестокость. Не потому, что Алиса не догадывалась. Она догадывалась с самого начала. Но услышать это от чужого человека оказалось почти невыносимо. Отец не придёт. Он снова исчезнет в тени собственного позора, оставив её объясняться с теми, кому продал часть своей души. Алиса почувствовала, как внутри что-то надломилось, но эта трещина не сделала её мягче. Напротив, она стала холоднее.

Она развернулась и пошла в комнату. Не убегая, не суетясь, не захлопывая перед ним дверь. Максим остался у порога, и только через несколько секунд Алиса услышала, как он вошёл. Его шаги были негромкими, но квартира тут же изменилась от его присутствия. Она почувствовала это спиной: чужая власть вошла в её бедное временное пространство и не нуждалась в разрешении, потому что за ней стояли деньги, люди, ночные договорённости и отцовская слабость. Алиса подошла к столу, взяла телефон и набрала номер полиции. Максим не бросился к ней, не вырвал аппарат из рук. Он просто сказал:

— Вы можете позвонить. Вам ответят. Вы расскажете правду. А потом вам придётся назвать имя отца, место игры, людей, которых вы не знаете, и объяснить, почему через час после вашего заявления вас начнут искать те, кому закон мешает меньше, чем вам кажется.

Алиса замерла с телефоном в руке. Она ненавидела его в этот момент за каждое слово, потому что в них слишком много походило на правду. Не на всю правду, не на честную правду, но на ту её часть, которую невозможно было отбросить одним жестом. Она знала мир отцов-

ских долгов достаточно, чтобы понимать: некоторые люди не пугают заранее. Они приходят, когда человек уже решил, что спасён.

— Вы меня запугиваете.

— Да.

Его прямота снова сбила её. Он не стал притворяться, что говорит исключительно ради её блага. Не стал смягчать происходящее красивыми словами. И всё же от этого не становился лучше. Человек, который честно признаёт принуждение, не перестаёт принуждать.

— И считаете, что это даёт вам право?

— Нет.

— Тогда почему?

Вопрос сорвался почти против её воли. Алиса не хотела спрашивать. Вопросы создают пространство для ответов, а ответы иногда размывают ненависть, делают её менее удобной, менее чистой. Но она уже спросила, и Максим услышал не только слова, но и то, что стояло за ними: отчаянную попытку понять, в какой именно кошмар она попала.

Он прошёл к окну и остановился так, чтобы не приближаться к ней. Снаружи на улице было обычное дневное движение: кто-то говорил по телефону, хлопнула дверца машины, по тротуару прошла женщина с сумкой. Мир не остановился оттого, что Алису Ветрову собирались увезти по условиям грязной карточной игры. Это показалось ей особенно жестоким. Катастрофы редко меняют освещение. Они происходят при том же солнце, среди тех же звуков, и только человек внутри них перестаёт совпадать с обычным днём.

— Потому что, если вы останетесь здесь, за вами придут другие, — сказал Максим. — И они не станут разговаривать у двери.

Алиса смотрела на него и не могла решить, что страшнее: то, что он лжёт, или то, что нет. Она знала, что должна сопротивляться, должна позвонить, закричать, выбежать на лестницу, привлечь соседей. Но в коридоре были его люди. За пределами квартиры мог быть кто угодно. А отец, единственный человек, который должен был стоять между ней и этим безумием, исчез, потому что не выдержал последствий собственного поступка. Алиса вдруг почувствовала себя не маленькой и беспомощной, а бесконечно одинокой взрослой женщиной, которой никто не придёт объяснять правила, потому что её уже поставили в игру без согласия.

Она положила телефон на стол.

— Я хочу увидеть отца.

— Позже.

— Сейчас.

— Сейчас нельзя.

— Нельзя? — Алиса почти спокойно повторила это слово, и в её голосе появилась та ледяная ясность, которая пугала даже её саму. — Вы пришли в мой дом, сообщили, что мой отец проиграл меня за карточным столом, а теперь говорите мне, что мне нельзя увидеть его?

Максим молчал. Впервые его молчание показалось не равнодушием, а усилием. Но Алиса не собиралась разбираться в оттенках его лица. Она хотела причинить ему словами хотя бы часть того унижения, которое он принёс ей в дом.

— Вы все одинаковые, — сказала она. — Просто одни проигрывают людей, а другие делают вид, что вынуждены их забирать.

Эта фраза попала в него. Не сильно, не явно, но Алиса увидела, как на мгновение изменился его взгляд. Если бы она была спокойнее, то заметила бы в нём не злость, а что-то более тяжёлое. Но сейчас ей было важно другое: он не камень. Его можно ранить. А значит, он не имеет права быть выше её боли.

Максим достал из внутреннего кармана небольшой конверт и положил на стол. Алиса не коснулась его.

— Документы, — сказал он. — Ваш паспорт у вас?

- Это допрос?
- Это необходимость.
- Для кого?
- Для вас.

Она усмехнулась, но не ответила. Паспорт лежал в ящике комода, и мысль о нём вдруг стала мучительно конкретной. Паспорт означал движение. Границу. Отъезд. Чужую яхту, чужие правила, невозможность проснуться завтра и решить, что всё это было кошмаром. Алиса подошла к комоду и открыла ящик не потому, что сдалась, а потому что уже начала думать. Если её действительно увезут, ей понадобятся документы. Деньги. Телефон. Любая мелочь, которая может стать возможностью. Соппротивление не всегда выглядит как крик. Иногда оно начинается с того, что человек перестаёт тратить силы на невозможное и начинает запоминать.

Максим наблюдал за ней молча. Она чувствовала его взгляд и ненавидела за это тоже. Ей казалось, что он оценивает не её красоту, а степень опасности, которую она может представлять. Возможно, это было даже лучше. Пусть видит. Пусть понимает, что не забирает испуганную девочку, которая будет плакать в углу дорогой каюты. Алиса Ветрова умела терпеть, но терпение не было покорностью. Она слишком долго жила рядом с человеком, который каждый раз просил поверить ему ещё раз, и выучила цену словам. Теперь она будет смотреть на поступки.

Собиралась она недолго. Несколько вещей в небольшую сумку, зарядное устройство, документы, тёплая кофта, блокнот, который она взяла почти случайно, хотя потом именно эта случайность показалась ей правильной. Она не стала брать фотографии. Не стала искать украшения матери, потому что их давно не было. На секунду задержалась только у полки, где стояла старая колода карт в потрёпанной коробке. Отец когда-то учил её фокусам этой колодой, и Алиса, не понимая зачем, взяла одну карту сверху. Это оказалась дама пик. Она посмотрела на неё, почувствовала почти физическое отвращение и хотела бросить обратно, но вместо этого сунула карту в карман сумки. Не как память. Как напоминание о том, что именно должно быть уничтожено внутри неё — привычка верить человеку, который называет предательство шансом.

Когда она вышла в прихожую, Максим уже стоял у двери. Один из его людей забрал её сумку, но Алиса резко удержала ручку.

— Я сама.

Мужчина посмотрел на Максима. Тот едва заметно кивнул, и сумку отпустили. Алису разозлило даже это: будто её право нести собственные вещи зависело от его молчаливого разрешения. Она перекинула ремень через плечо и вышла на лестничную площадку первой, чтобы хотя бы в этом движении не чувствовать себя ведомой.

Лифт спускался медленно. В зеркальной стенке Алиса увидела себя рядом с Максимом: она в простом платье и лёгком плаще, слишком бледная, но с прямой спиной; он — тёмный, собранный, чужой, стоящий на расстоянии, которое можно было принять за уважение, если забыть, зачем он пришёл. Она смотрела не на него, а на отражение своих глаз. В них уже не было утренней неопределённой тревоги. Было нечто другое, более жёсткое. Мир, в котором отец мог поставить её за карточным столом, не заслуживал её доверия. И мужчина рядом, каким бы спокойным он ни был, тоже не заслуживал.

У подъезда стояла машина с затемнёнными стёклами. Соседка с третьего этажа как раз возвращалась из магазина и скользнула по ним любопытным взглядом, но ничего не спросила. Алиса вдруг почти позавидовала этой женщине, её пакету с хлебом, её обычному дневному маршруту, её праву подняться к себе и закрыть дверь изнутри. Ещё вчера Алиса считала свою жизнь тесной, усталой, испорченной отцовскими долгами. Сегодня эта жизнь уже казалась чем-то, что у неё отнимают, и потому даже её бедность приобрела цену.

Перед тем как сесть в машину, она обернулась к окнам квартиры. Никакого особенного чувства прощания не возникло. Это был не дом, а остановка после очередного падения Виктора. И всё же там оставалась её последняя ночь до правды, последняя чашка кофе, последний звонок отцу, на который он не ответил. Алиса поняла, что ненавидит его сейчас так сильно, что эта ненависть почти не отличима от боли. Он не просто проиграл её. Он позволил чужому человеку прийти и сказать ей об этом.

Максим открыл перед ней дверь машины. Жест был безупречно вежливым, и Алиса осталась рядом с ним.

— Не делайте так, — сказала она.

Он посмотрел на неё вопросительно.

— Не изображайте благородство. Оно вам не идёт.

Если бы она хотела вывести его из себя, ей бы это не удалось. Максим лишь чуть наклонил голову, принимая удар без ответа. Но на этот раз Алиса не почувствовала удовлетворения. Ей хотелось, чтобы он оказался проще, грубее, понятнее. Ей хотелось ненавидеть его без сомнений. Вместо этого он стоял перед ней человеком, который принёс катастрофу и почему-то не радовался ей.

Она села в машину сама. Дверь закрылась мягко, отрезая звуки улицы. Через несколько секунд Максим занял место рядом, и автомобиль тронулся. Алиса не спрашивала, куда они едут. Она уже знала, что ответ будет неполным. За окном медленно проходил город: витрины, балконы, светлые стены, люди за столиками кафе. Всё казалось слишком ярким, почти оскорбительно живым. Её увозили не в темноте, не тайно, не под покровом ночи, а среди белого дня, когда мир особенно убедительно делает вид, что ничего страшного не происходит.

Максим не пытался говорить. Это молчание было первым, что Алиса почти оценила, хотя не призналась бы в этом даже себе. Любые слова сейчас были бы лишними. Утешение стало бы оскорблением, объяснения — попыткой купить её спокойствие, угрозы — признанием слабости. Он выбрал молчание, и в этом молчании она слышала не пустоту, а отложенную правду, к которой её не собирались подпускать.

Дорога к гавани заняла меньше времени, чем ей хотелось. Когда машина свернула к причалам, Алиса увидела яхты, стоящие вдоль воды, и в груди у неё что-то сжалось. Они сияли белыми бортами, блестели стеклом и металлом, казались воплощением красивой жизни, которую показывают на обложках журналов. Но Алиса смотрела на них иначе. Для неё это были не символы свободы, а плавающие крепости, слишком дорогие для того, чтобы в них верили в обычные человеческие права. У одной из дальних яхт стояли люди в форме, на корме играли солнечные блики, и название, написанное изящными буквами, сначала расплылось перед глазами, а потом стало ясным.

«Козырная дама».

Алиса остановилась на причале. Ветер с моря коснулся лица, принёс запах соли и дорогого топлива, и на миг ей захотелось сделать то, что сделала бы героиня плохого фильма: броситься бежать, закричать, привлечь внимание прохожих. Но вокруг были люди Максима, а где-то за пределами гавани могли быть люди похуже. Она уже не была уверена, что берег означает спасение. Это было самым страшным открытием дня.

— Алиса, — произнёс Максим.

Она повернулась к нему медленно. Ей не понравилось, как он произнёс её имя: без фамильярности, без нажима, но так, будто имя уже стало частью его ответственности. Она не хотела принадлежать даже чужой ответственности.

— Я не ваша, — сказала она.

Максим долго смотрел на неё, и в его лице снова мелькнуло то самое выражение, которое она не успела разгадать в квартире. Возможно, сожаление. Возможно, усталость. Возможно, просто тень от солнца.

— Нет, — ответил он наконец. — Не моя.

Но он всё равно протянул руку в сторону трапа, показывая путь на яхту. И Алиса поняла: слова ничего не меняют. Он мог признавать, что людей нельзя выигрывать, мог говорить, что она не его, мог не прикасаться к ней и не повышать голос, но именно он сейчас стоял между ней и прежней жизнью. Именно он был победителем той партии. Именно за ним оставалось право решать, когда она увидит отца, куда поедет, кому сможет позвонить и сколько правды ей позволят узнать.

Она поднялась на трап без его помощи. Каждый шаг давался ей с усилием, но со стороны этого не было видно. Алиса шла прямо, с высоко поднятой головой, и чувствовала, как внутри ярость становится чем-то более прочным, чем первая вспышка. Её могли увезти. Могли поставить перед фактом. Могли окружить роскошью, охраной, молчанием. Но они ошибались, если думали, что тем самым сделали её частью своего мира.

На палубе она остановилась и оглянулась на берег. Машины двигались вдоль набережной, люди продолжали свои разговоры, солнце ложилось на воду так красиво, что эта красота казалась почти бесчеловечной. Алиса сжала ремень сумки и впервые за этот день ясно сформулировала то, что станет для неё единственной опорой: она не стала ставкой в тот миг, когда отец произнёс её имя. Ставкой её считали они. А значит, именно они однажды узнают, как опасно ошибаться в женщине, которую приняли за выигрыш.

Глава 3. Яхта «Козырная дама»

С трапа яхта казалась не судном, а отдельным миром, слишком гладким и сияющим, чтобы иметь отношение к живым людям. Белый борт под солнцем слепил глаза, стеклянные поверхности отражали гавань с такой безупречной холодностью, будто не принимали в себя ничего случайного, а полированная сталь поручней была похожа на застывшую линию чужой воли. Алиса поднялась на палубу без помощи Максима, хотя чувствовала его рядом и знала, что он заметил этот её отказ. Ей было важно удержать хотя бы эту мелочь: собственный шаг, собственную равновесную походку, собственную руку, не вложенную в его ладонь. Всё остальное за последние часы оказалось у неё отнято или поставлено под сомнение — дом, отец, право понимать, что происходит, даже простая уверенность в том, что человек не может быть предметом чужой сделки. Поэтому сейчас она держалась за любые признаки самостоятельности с той яростной внутренней сосредоточенностью, с какой тонущий держится не за спасение, а за доказательство, что ещё не ушёл под воду.

Палуба встретила её тишиной, слишком продуманной, чтобы быть естественной. На яхте работали люди, но они не суетились, не переговаривались громко, не рассматривали Алису открыто, хотя, конечно, все уже знали о её появлении. Их взгляды скользили вежливо и быстро, как у персонала дорогих отелей, где гостю позволяют чувствовать себя невидимым только потому, что за ним наблюдают профессионально. Мужчина в светлой форме принял у Максима короткое распоряжение, женщина с собранными волосами задержалась у лестницы, ожидая знака, и всё это происходило без лишних слов, без объяснений, без участия Алисы. Её не спрашивали, хочет ли она войти. Не спрашивали, нужен ли ей отдых, вода, время. Её присутствие уже было включено в чей-то порядок, словно для неё заранее освободили место не в пространстве, а в системе, которая умела поглощать людей тихо, почти элегантно.

Она остановилась на несколько секунд у борта и посмотрела на гавань. Берег был совсем рядом, до него можно было, казалось, докричаться, добежать, доплыть, если бы тело не знало, что между видимой близостью и настоящей свободой лежит не расстояние, а власть. На набережной двигались люди, ослепительно обычные в своей неосведомлённости: кто-то фотографировал яхты, кто-то нёс пакеты из бутика, кто-то лениво ждал такси, не подозревая, что в нескольких десятках метров от них женщина стоит на палубе и пытается понять, в какой момент её жизнь перестала принадлежать ей. Алиса почувствовала почти болезненное желание позвать кого-нибудь из этих случайных прохожих, но тут же представила, как это будет выглядеть: хорошо одетая взрослая женщина на роскошной яхте кричит, что её увезли из-за карточного долга отца. Мир редко верит в абсурд, даже когда абсурд говорит правду.

Максим не торопил её. Он стоял чуть позади, не приближаясь, и это снова раздражало её больше, чем грубое принуждение. Ей хотелось, чтобы он проявил своё право открыто, приказал, схватил за локоть, сказал что-нибудь непоправимо жестокое, потому что тогда её ненависть обрела бы удобную форму. Но он лишь ждал, словно давал ей эти несколько секунд у борта по собственному выбору, и от этого сама возможность смотреть на берег становилась похожей на разрешение. Алиса резко отвернулась от воды. Она не позволит ему превратить даже паузу в милость.

— Я покажу вашу каюту, — сказал Максим.

В его голосе не было ни мягкости, ни холода в чистом виде. Он говорил ровно, и эта ровность уже начинала казаться частью его оружия. Алиса не ответила. Она пошла за ним, не потому что признала его право вести, а потому что хотела увидеть всё: коридоры, двери, лестницы, лица, замки, повороты. Если эта яхта должна была стать клеткой, она обязана была изучить прутья. В детстве отец учил её смотреть на карты не по отдельности, а на всю раскладку сразу, и теперь, с отвратительной иронией, именно этот навык становился ей нужен. Она не имела сил изменить происходящее прямо сейчас, но могла запоминать, а память иногда бывает первым видом сопротивления.

Внутри яхта оказалась ещё более неправдоподобной, чем снаружи. Узкие переходы не напоминали тесные корабельные коридоры из фильмов; здесь всё было устроено так, чтобы даже море за стенами казалось не стихией, а частью дорогого интерьера. Мягкое освещение не било в глаза, дерево тёплого оттенка блестело спокойно и глубоко, на стенах висели картины без подписей, слишком дорогие, чтобы объяснять себя случайному взгляду. Под ногами не было слышно шагов, и Алисе от этого становилось не по себе: пространство будто гасило любое движение, заранее лишая человека возможности оставить след. Она провела пальцами по гладкой панели рядом с дверью и почувствовала не красоту, а цену. Всё здесь стоило больше, чем последние годы её жизни с отцом, и всё это, вместо того чтобы поражать, вызывало в ней глухое отвращение. Роскошь, когда она принадлежит свободному человеку, может казаться праздником. Роскошь, в которую тебя привозят против воли, становится изошрённой формой насмешки.

Они прошли мимо салона, где огромные окна открывали вид на воду. Там стояли низкие диваны, стеклянный стол, на котором лежали журналы на нескольких языках, и ваза с белыми цветами, такими свежими и безупречными, будто их заменяли раньше, чем они успевали устать. Алиса успела заметить бар с подсвеченными полками, закрытый рояль, тонкую бронзовую скульптуру, похожую на изгиб волны. Во всём чувствовался вкус, но этот вкус был не домашним, а демонстративно уверенным, как подпись под владением: человек, которому принадлежала яхта, мог позволить себе не кричать о богатстве, потому что богатство уже говорило за него каждым сантиметром пространства. Алиса подумала, что такие люди, как Максим Рейнер, вероятно, не покупают вещи из желания обладать ими. Они покупают миры, в которых другим приходится жить по их правилам.

У поворота их встретила женщина в строгом светлом костюме. Она была старше Алисы лет на десять, с внимательным лицом и манерами, в которых не было ни угодливости, ни фамильярности. Максим назвал её Марией, старшей стюардессой, и сказал, что она поможет Алисе устроиться. Женщина кивнула так, будто перед ней была обычная гостья, прибывшая на морскую прогулку, и это спокойствие на миг стало почти невыносимым. Алисе хотелось спросить, все ли здесь делают вид, что происходящее нормально, или им просто платят достаточно, чтобы не замечать смысл происходящего. Но она промолчала. Слова сейчас могли бы выдать слишком многое, а ей нужно было сохранять то, что ещё оставалось неподконтрольным: лицо, интонацию, паузу перед ответом.

Максим открыл дверь в конце коридора и отступил, пропуская её вперёд. Каюта оказалась просторной, светлой, с большим окном почти у самой воды. В ней не было ничего, что можно было бы назвать тюремным, и именно поэтому первое впечатление оказалось таким оскорбительным. Здесь стояла широкая кровать с серо-жемчужным покрывалом, у стены — письменный стол, рядом — кресло, в котором удобно было бы читать, если бы у человека оставалась способность читать. Встроенный шкаф занимал половину стены, дверь вела в ванную комнату с мраморной раковиной и зеркалом, где отражение Алисы показалось ей чужим: слишком бледное лицо, сжатые губы, глаза, в которых злость уже начала уставать, но не сдавалась. На столе стоял графин с водой, лежала чистая записная книжка, рядом — ручка в тонкой металлической оправе. Всё было продумано заранее. Её ждали. От этой мысли по коже прошёл холод.

Алиса медленно обошла комнату. Окно не открывалось так, чтобы через него можно было выбраться; это она поняла сразу, даже не прикасаясь к раме. Дверь закрывалась изнутри, но она не сомневалась, что у Максима или у кого-то из команды есть способ открыть её в любой момент. В шкафу висело несколько вещей, явно подобранных для неё: платья, блузы, лёгкие брюки, бельё в закрытых коробках, обувь в правильном размере. Это было сделано безупречно и потому казалось особенно унижительным. Не просто привезли. Подготовились. Изучили. Узнали размер, вкус, вероятно, даже привычки. Чужие руки вошли в её жизнь до того, как она сама переступила порог этой каюты.

— Кто выбирал это? — спросила она, не оборачиваясь.

— Мария.

Ответ был коротким, но Алиса услышала в нём попытку снять с неё хотя бы один слой унижения. Не он, мол, рассматривал её как женщину, не он выбирал ткань к её телу. Но это ничего не меняло. Приказ всё равно исходил из его мира, деньги — из его кармана, необходимость — из той ночи, где он стал победителем. Она закрыла шкаф резче, чем собиралась, и наконец повернулась к нему.

— Вы заранее знали, что привезёте меня сюда.

Максим не стал отрицать.

— Я знал, что такая возможность есть.

— Возможность? — Алиса почувствовала, как от этого слова внутри снова поднялась горячая волна. — Вы называете это возможностью?

Он посмотрел на неё внимательно, но не приблизился. Между ними оставалось несколько шагов, и это расстояние делало разговор не менее напряжённым, чем если бы они стояли лицом к лицу.

— Я называю это тем, что произошло.

— Нет. Вы называете это так, чтобы не произносить настоящих слов.

После этой фразы он замолчал. Алиса видела, что он мог бы ответить. Возможно, у него уже был готовый набор объяснений, достаточно точных и опасных, чтобы поколебать её простую ненависть. Но он сдержался, и это молчание она поняла по-своему: ему нечем оправдаться. Хорошо. Пусть не оправдывается. Ничто из сказанного им не могло изменить главного: её отец поставил её, он выиграл, теперь она стояла в каюте, подготовленной заранее, и должна была вести себя так, будто дорогие простыни смягчают смысл происходящего.

Максим подошёл к столу и положил на него небольшой телефон. Не её телефон — тот остался при ней, но сеть на нём исчезла ещё по дороге к гавани, и Алиса не сомневалась, что это не случайность. Новый аппарат выглядел простым, почти безличным. Рядом он положил тонкую карточку с несколькими номерами.

— По этому телефону можно связаться с Марией, со мной и с врачом на борту. Ваш личный телефон вам вернут, когда это будет безопасно.

Алиса посмотрела на аппарат так, будто перед ней лежал не предмет связи, а очередной символ чужой власти.

— Вы уже решили, что для меня безопасно?

— Пока да.

В этой честности не было раскаяния, и потому она была не лучше лжи. Алиса подошла к столу, взяла телефон двумя пальцами и положила его обратно чуть дальше, как вещь, к которой не хотела прикасаться дольше необходимого. Ей хотелось сказать больше, но она вдруг почувствовала, что каждое слово, сказанное ему сейчас, только глубже втягивает её в разговор, где он всё равно сохраняет преимущество. Он знал больше. Он контролировал пространство. Он мог молчать, а она вынуждена была спрашивать. Это не устраивало её.

— Я хочу остаться одна.

Максим кивнул. Он принял её требование сразу, без попытки задержаться, но у двери всё же остановился.

— Ваша каюта не заперта снаружи. Вы можете выходить в общие зоны яхты. На верхнюю палубу — только с сопровождающим. На берег — пока нет.

Алиса слушала, не двигаясь. В его фразе каждое «можете» было обведено невидимым «нельзя», и она почти физически чувствовала, как вокруг неё выстраивается система ограничений, мягкая на вид, но прочная. Он не сказал «вы пленница». Не сказал «я запрещаю». Он говорил языком правил, как будто речь шла о безопасности на борту, но смысл оставался прежним: свобода есть только там, где он её разрешил.

— Как щедро, — произнесла она.

Максим не ответил. Он вышел, и дверь закрылась за ним тихо, почти деликатно. Несколько секунд Алиса стояла неподвижно, слушая удаляющиеся шаги. Потом подошла к двери и сразу проверила замок. Изнутри он работал. Она повернула ручку, приоткрыла дверь, увидела пустой коридор и снова закрыла. Формально её не заперли. Эта формальность была рассчитана слишком тонко: она должна была чувствовать не грубое насилие, а собственное бессилие перед обстоятельствами, где дверь открыта, но выйти всё равно некуда.

Оставшись одна, Алиса впервые позволила себе выдохнуть так глубоко, что это почти стало стоном. Она не заплакала. Слезы в такой момент показались бы ей уступкой, а уступать она не собиралась даже собственному телу. Она подошла к окну и посмотрела на воду, которая

мягко ударялась о борт. Из каюты море выглядело близким, почти интимным, будто протяни руку — и можно коснуться его живой поверхности. Но стекло было толстым, чистым, непреодолимым. Алиса увидела в нём своё отражение, наложенное на синеву, и на мгновение ей показалось, что она смотрит не на себя, а на женщину, помещённую внутрь чужой витрины. Внизу проходил катер, на его палубе смеялась молодая пара, и этот смех донёсся до неё приглушённым, будто из другого мира.

Она открыла сумку и достала свои вещи. Не стала раскладывать их по шкафам. Это было бы слишком похоже на согласие остаться. Вместо этого положила паспорт под подкладку сумки, деньги — в маленький внутренний карман, зарядное устройство — ближе к краю, чтобы взять быстро. Блокнот она оставила на столе, но ручку Максима отодвинула и достала свою, дешёвую, с треснутым колпачком. Это была мелочь, почти смешная, однако именно такие мелочи сейчас удерживали её от ощущения полного захвата. Она села за стол и несколько минут смотрела на чистый лист, прежде чем написала первое: «Яхта. Козырная дама. Максим Рейнер. Мария. Два охранника. Телефон забрали. Дверь не заперта. Окно не открывается».

Почерк вышел ровным. Это её успокоило. Пока она могла писать ровно, она не была сломана. Она продолжила: коридор поворачивает налево к лестнице, салон с большими окнами справа, на палубе минимум трое людей команды, один у трапа, ещё один у входа в нижний коридор. Она не знала, пригодится ли это, но сама возможность превращать страх в наблюдения возвращала ей часть контроля. Отец, ставя её в игре, наверняка думал только о последней раздаче. Максим, забирая её сюда, наверняка думал о своей системе безопасности, о чужих людях, о какой-то опасности, которую не считал нужным объяснять. Никто из них не подумал, что она тоже умеет смотреть.

Через некоторое время яхта слегка дрогнула. Алиса подняла голову. За окном вода изменила рисунок, берег начал медленно смещаться, и только тогда она поняла, что они отходят от причала. Сердце ударило так резко, что она встала, почти опрокинув стул. Гавань, ещё недавно близкая, стала отдаляться с оскорбительно плавной неизбежностью. Никаких громких команд, никакой драматической суеты, просто роскошное белое судно отрывалось от берега, увозя её так тихо, будто это была обычная прогулка для людей, у которых нет причин сопротивляться. Алиса прижала ладонь к стеклу, хотя знала, что это бессмысленно. На набережной всё ещё ходили люди. Они становились меньше. Мир, где у неё был хотя бы адрес, дверь и возможность набрать номер полиции, растворился в солнечном мареве.

Именно в этот момент страх окончательно приобрёл форму. До сих пор всё ещё казалось каким-то чудовищным продолжением разговора, ошибкой, которую можно остановить резким движением, звонком, скандалом, вмешательством случайного свидетеля. Но когда яхта вышла из гавани, Алиса поняла: её действительно увезли. Не в метафорическом смысле, не в психологическом, не в том, которым люди потом будут пользоваться, рассказывая красивую историю о роковой игре. Её физически отделили от берега, от прежнего утра, от квартиры с остывшим кофе, от собственной возможности просто открыть дверь и выйти на улицу. И всё это было сделано без крика, без цепей, без грубости, что почему-то делало случившееся ещё страшнее.

Она отошла от окна и заставила себя пройти по каюте ещё раз. Ванная. Шкаф. Стол. Кровать. Система вентиляции. Узкая панель у двери, вероятно, вызов персонала. Никаких очевидных возможностей. Никаких случайных слабостей. Люди, строившие этот плавучий дворец, думали об удобстве владельца, но вместе с удобством создали идеальную изоляцию. Здесь было красиво, мягко, дорого, и именно поэтому любой крик растворился бы в полированных поверхностях быстрее, чем в голых стенах подвала. Алиса вдруг с ясностью поняла, что роскошь не противоречит насилию. Иногда она служит ему лучше замков, потому что заставляет внешнего наблюдателя сомневаться: разве можно быть пленницей там, где на столе свежие цветы, где в шкафу висят шелковые платья, где море за окном похоже на открытку?

К вечеру ей принесли еду. Мария вошла после короткого стука и поставила поднос на маленький столик у кресла. Она не задавала лишних вопросов, но и не избегала взгляда Алисы. В её присутствии было что-то странно спокойное, почти человеческое, и именно поэтому Алиса не стала грубить ей сразу. Ей нужно было понять, кто здесь служит из страха, кто за деньги, кто из преданности Максиму, а кто просто давно не задаёт себе вопросов.

— Господин Рейнер просил передать, что ужин сегодня можно подать в каюту, если вы не захотите выходить, — сказала Мария.

Алиса посмотрела на поднос. Еда была лёгкой, красиво разложенной, совершенно неуместной в её состоянии.

— А если я вообще ничего не захочу?

Мария помолчала чуть дольше обычного.

— Тогда я оставлю воду и вернусь позже.

Это был не тот ответ, который Алиса ожидала. В нём не было давления, и от этого ей стало ещё труднее понять правила. Она кивнула, давая понять, что разговор закончен, и Мария ушла так же тихо, как вошла. Алиса не притронулась к еде, но выпила воду почти сразу и только потом поняла, как сильно пересохло горло. Тело продолжало жить и требовать своего, равнодушное к её гордости. Ей стало обидно даже на это: на жажду, на усталость, на дрожь в пальцах, которую она заметила, когда ставила стакан обратно.

Солнце опускалось, и каюта постепенно меняла цвет. Дневной блеск уходил, дерево становилось темнее, вода за окном приобретала тяжёлый синий оттенок. Яхта двигалась почти незаметно, но Алиса чувствовала это движение телом, как чувствуют чужое решение, принятое за тебя. Она снова открыла блокнот и продолжила записывать всё, что успела заметить. Имя Марии. Расположение салона. Отплытие около пяти. Берег исчез из прямой видимости. Телефон Максима на столе. Собственный телефон, вероятно, у него или у охраны. Нужно узнать, где хранится. Нужно понять, есть ли связь у команды. Нужно выяснить, сколько людей на борту.

За этими сухими строками пряталась паника, но она становилась послушнее, когда превращалась в план. Алиса вдруг вспомнила, как отец когда-то говорил ей, что в любой игре главное — не карты, а выдержка. Тогда она смеялась, потому что это звучало красиво и взрослым образом таинственно. Теперь она с горечью подумала, что Виктор всю жизнь говорил правильные слова, но ни разу не сумел прожить их сам. Выдержки у него не было. Была жажда, была слабость, была бесконечная вера в чудо там, где нужен был стыд. И всё же одно он передал ей невольно: умение не раскрывать себя сразу. Она не станет кричать, пока крик ничего не меняет. Не станет бросаться на первую закрытую дверь, пока не узнает, где вторая. Не станет верить ни Максиму, ни его молчанию, ни странной деликатности этой дорогой клетки.

Поздно вечером в дверь снова постучали. Алиса не ответила сразу, но дверь всё равно не открылась без её разрешения. Это раздражало почти так же, как и всё остальное: здесь даже границы соблюдали так, чтобы напомнить, кто может позволить себе соблюдать их выборочно. Наконец она сказала короткое «войдите», и на пороге появился Максим. Он уже был без пиджака, в тёмной рубашке, но эта небольшая перемена не сделала его менее собранным. Наоборот, в полумраке каюты он казался ещё более чужим, человеком, который принадлежит не комнате, а собственной тайне.

— Вам что-то нужно? — спросила Алиса.

Он задержал взгляд на нетронutom подносе, потом на блокноте, который она не стала закрывать слишком поспешно, чтобы не показать, что прячет записи. Если Максим и понял, что она делает, он не прокомментировал.

— Я хотел убедиться, что вам ничего не требуется.

Алиса почти улыбнулась. Не от веселья, конечно, а от усталого изумления перед этой странной, безукоризненно выстроенной ложью тона.

— Мне требуется сойти на берег.

— Это невозможно.

— Значит, вы знаете ответ.

Он принял это без раздражения. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и в этой паузе было больше настоящего разговора, чем в коротких репликах. Алиса пыталась увидеть в нём то, что объяснило бы его поведение: жадность, тщеславие, желание владеть, страх перед кем-то ещё. Но лицо Максима снова было закрыто. Он не походил на человека, которому доставляет удовольствие её беспомощность, и всё же именно он поддерживал эту беспомощность каждым своим решением.

— Завтра вы сможете выйти в салон и на палубу, — сказал он. — Мария будет рядом, если понадобится.

— Мне не нужна нянька.

— Она не нянька.

— Тогда кто? Надзиратель в светлом костюме?

Максим чуть изменился в лице. Не так, чтобы это можно было назвать обидой, но Алиса заметила. Он не любил, когда она называла вещи их настоящими именами, или, возможно, не любил, когда она ошибалась в людях, которых он считал своими. Ей было всё равно. Пока он не говорил правды, она имела право на любые выводы.

— Мария не причинит вам вреда, — произнёс он.

— А вы?

Вопрос вышел тише, чем она хотела, но от этого стал сильнее. Максим не ответил сразу. И в этом молчании Алиса впервые почувствовала не уверенность, а какую-то внутреннюю тяжесть, будто её вопрос не был для него неожиданным, но всё равно попадал туда, где не было готовой защиты.

— Я не трону вас против вашей воли, — сказал он наконец.

Алиса отвернулась к окну. Её передёрнуло не от его слов, а от самой необходимости слышать подобное обещание в комнате, где она находилась по чужому решению. Он мог сколько угодно проводить границы внутри клетки, но клетка от этого не переставала быть клеткой.

— Какая тонкая разница, — сказала она. — Жизнь забрать можно, тело трогать нельзя.

Она не видела его лица в этот момент, только отражение в стекле: тёмная фигура у двери, её собственный силуэт у окна, между ними — глубокая синева вечернего моря. Максим стоял неподвижно, и Алиса вдруг поняла, что он мог бы сейчас сказать что-то резкое, поставить её на место, напомнить о долгах отца, о людях, которые ищут её за пределами яхты. Он мог бы сделать разговор проще для себя. Но он снова выбрал молчание. Возможно, потому что не хотел лгать. Возможно, потому что правда была ещё хуже.

Когда он ушёл, Алиса заперла дверь изнутри, хотя знала цену этому замку. Потом подошла к кровати, села на край и впервые почувствовала, как сильно устала. Не только за этот день, а за все годы, в которых ей приходилось быть взрослой рядом с человеком, так и не научившимся отвечать за свою жизнь. Она достала из сумки карту, ту самую даму пик, и долго смотрела на потёртый рисунок. Женщина на карте казалась плоской, неподвижной, вечно заключённой в рамку, но в её строгом лице было что-то насмешливое, будто она знала: карты меняют значение в зависимости от того, кто держит колоду.

Алиса положила карту в блокнот между чистыми страницами и закрыла его. За окном яхта шла в темноту, мягко рассекая воду, и в этой тишине не было покоя. Там, наверху, вероятно, дежурили люди Максима. Где-то в глубине судна работали механизмы. Где-то за горизонтом оставался берег, который ещё утром казался ей обычным и тесным, а теперь стал символом всего отнятого. Алиса легла, не раздеваясь полностью, и долго смотрела в потолок, прислушиваясь к едва заметному движению яхты.

Роскошь вокруг была безупречна. Кровать мягкая, воздух прохладный, вода за стеклом почти красивая в лунном свете. Но если дверь открывается только потому, что кто-то разрешил ей открываться, если телефон лежит на столе как подачка, если берег исчезает по чужой воле, то даже самая дорогая каюта ничем не отличается от подвала. Разница только в том, что в подвале никто не пытается убедить тебя, будто ты должна быть благодарна за чистые простыни.

Алиса закрыла глаза, но сон не приходил. В темноте она снова и снова видела отца за карточным столом, хотя не присутствовала там и не знала, как именно всё случилось. Видела Максима у двери своей квартиры. Видела название яхты на белом борту. «Козырная дама». Они выбрали красивое имя для своего плавучего дворца, не понимая, что теперь оно стало не украшением, а предупреждением. Если её хотели сделать картой в чужой игре, им придётся узнать, что иногда карта режет пальцы тому, кто слишком уверенно берёт её в руки.

Глава 4. Живое украшение

Утро на яхте началось без резкого пробуждения, но от этого не стало мягче. Алиса открыла глаза в незнакомой каюте, где всё было устроено так, чтобы человек чувствовал себя защищённым, и именно поэтому ей сразу захотелось подняться. В первые секунды, пока сознание ещё не вернуло ей всё случившееся, она услышала только ровное дыхание судна, глухой шелест воды за стеклом и едва заметный звук работающих механизмов где-то глубоко внизу. Потом память вернулась целиком: отец, Максим Рейнер, трап, белый борт с названием «Козырная дама», каюта, в которой никто не запер дверь снаружи, но выйти из которой всё равно было некуда. Она села на кровати, не позволяя себе снова лечь, хотя ночь почти не дала отдыха. Сон приходил короткими провалами, в которых она то видела отца за карточным столом, то просыпалась от ощущения, что яхта уже слишком далеко от берега и даже её мысли отстают от прежней жизни, как люди на набережной, ставшие вчера маленькими и неподвижными.

На столе лежал блокнот, раскрытый на странице с её вчерашними записями. Рядом, между листами, была спрятана дама пик из старой колоды, и Алиса на секунду коснулась края

бумаги, будто проверяя, на месте ли это странное доказательство собственного сопротивления. Всё вокруг продолжало утверждать чужой порядок: идеально сложенный плед у кресла, свежая вода в графине, аккуратно заменённое полотенце в ванной, хотя она не помнила, чтобы кто-то входил. Возможно, Мария приходила утром, пока Алиса наконец забылась сном. От этой мысли стало неприятно. Даже забота здесь оказывалась вторжением, потому что была частью системы, где её желания учитывали только тогда, когда это не мешало главным решениям.

Она умылась холодной водой, долго смотрела в зеркало и не сразу узнала своё лицо. Не потому, что оно изменилось. Черты оставались теми же: тёмные глаза, чуть напряжённая линия губ, высокая скула, на которой после бессонной ночи резче лёг свет. Но в этом отражении не было вчерашней растерянности. Усталость никуда не исчезла, страх тоже оставался, как тонкая стальная нить, натянутая под кожей, но поверх него возникло другое выражение — собранное, почти чужое. Алиса вдруг подумала, что раньше слишком часто тратила силы на то, чтобы понять отца, оправдать его слабость, угадать, в какой момент он снова сорвётся и какую цену придётся заплатить им обоим. Здесь угадывать было бессмысленно. Здесь нужно было смотреть.

Завтрак ей принесли в каюту без просьбы, но на этот раз Алиса заставила себя поесть. Это тоже было сопротивлением, хотя звучало бы смешно, скажи она это вслух. Гордость требовала отказаться от всего, что давали на этой яхте, но голод и усталость были союзниками врага только в том случае, если она позволяла им ослаблять себя. Она ела медленно, почти не чувствуя вкуса, и одновременно слушала шаги за дверью, отмечая, когда кто-то проходит по коридору, когда стихает движение, когда меняется едва уловимый ритм судна. Потом взяла блокнот и дополнила записи: утром персонал входит без шума; еда подаётся около девяти; Марии пока нет; связь отсутствует; яхта в движении или на якоре — проверить по виду воды. Она не знала, насколько точны её выводы, но сама привычка фиксировать детали возвращала ей ощущение, что она не просто предмет в дорогой комнате.

Мария пришла ближе к полудню. Она постучала и дождалась разрешения, как делала вчера, но сегодня в её руках был не поднос, а длинный чехол из плотной ткани. Алиса сразу поняла, что внутри, и в груди у неё поднялась глухая злость, ещё до того как женщина заговорила. В этой злости было нечто почти спасительное: она согревала лучше кофе, заставляла спину выпрямиться, делала взгляд яснее.

— Сегодня вечером на борту будет ужин, — сказала Мария. — Господин Рейнер просил передать, что ваше присутствие желательно.

Алиса посмотрела на чехол, потом на лицо женщины. Мария не выглядела виноватой, но и не пряталась за служебной бесстрастностью. Возможно, она понимала, как звучит это «желательно» в положении Алисы. Возможно, давно научилась не показывать понимание там, где не может ничего изменить.

— Желательно для кого?

Мария выдержала её взгляд.

— Для ситуации, в которой вы оказались.

Алиса почти рассмеялась. Не громко, не весело — лишь коротко выдохнула, чувствуя, как в ней снова поднимается отвращение к этому языку мягких формулировок. Ситуация. Обстоятельства. Безопасность. Условия. Никто на яхте не произносил простых слов, будто сами слова могли повредить полировку стен. Её не удерживали, а обеспечивали безопасность. Её не заставляли, а просили присутствовать. Её не превращали в знак чужой победы, а включали в ужин, на котором, вероятно, всем будет удобно смотреть на неё и делать вид, что происходящее имеет какое-то светское объяснение.

— Я не вещь, которую выставляют в салоне, — сказала Алиса.

— Я знаю, — тихо ответила Мария.

Этот ответ был слишком прямым, и на несколько секунд Алиса лишилась готовой резкости. Она ожидала уверений, служебных фраз, осторожного напоминания о распоряжении Максима. Но Мария сказала «я знаю» так, будто не пыталась спорить с самой большой частью правды. От этого отказ становился сложнее. Алиса не хотела принимать участие в чужом спектакле, но ещё меньше хотела оставаться в каюте, где каждый час делал её менее осведомлённой. Если вечером на яхте будут гости, она должна увидеть их лица. Должна понять, кто входит в круг Максима, кто смотрит на неё с любопытством, кто с насмешкой, кто слишком хорошо знает её историю. Каюта была клеткой не потому, что дверь закрыта, а потому, что внутри неё нельзя собрать сведения.

Она подошла к чехлу и сама расстегнула молнию. Платье оказалось чёрным, длинным, без вызывающей откровенности, но с той дорогой простотой, которая говорит о цене громче блеска. Ткань мягко скользнула по её пальцам, и Алиса почувствовала странную, почти болезненную злость на то, что вещь была красивой. Если бы платье выглядело вульгарно, униЗИтельно, слишком явно рассчитанным на чужие взгляды, ей было бы легче отказаться. Но оно было подобрано с безупречным вкусом, словно кто-то хотел не выставить её напоказ грубо, а превратить в образ — сдержанный, тёмный, запоминающийся. Не украшение из витрины, а редкую карту, которую кладут на стол в нужный момент.

— Это выбирал он? — спросила Алиса.

— Нет. Я.

— Но по его просьбе.

Мария не стала отрицать.

— По его просьбе.

Алиса провела ладонью по ткани и отпустила её. Внутри шевельнулась мысль, неприятная именно потому, что была разумной: если она не выйдет, гости всё равно будут говорить о ней, только без неё. Если выйдет — сможет смотреть им в глаза. Её хотели видеть частью декора, но никто не мог запретить декору запоминать тех, кто проходит мимо слишком близко.

— Передайте господину Рейнеру, — сказала она, — что я выйду. Но не потому, что он попросил.

Мария чуть кивнула, и в её взгляде на миг появилась тень уважения, почти незаметная, но Алиса уловила её. Это было первое человеческое движение на яхте, не похожее на часть инструкции, и оно, как ни странно, только усилило её тревогу. Если даже Мария понимала больше, чем говорила, значит, правда здесь была распределена между людьми, как ключи от разных дверей, и ни у кого, кроме Максима, не было всей связки.

До вечера время тянулось густо. Алиса не стала снова ложиться и почти не сидела. Она ходила по каюте, останавливалась у окна, возвращалась к блокноту, прислушивалась к звукам. Несколько раз ей казалось, что яхта изменила ход, потом поняла, что, возможно, судно стоит в небольшой бухте: за стеклом вода стала спокойнее, а свет ложился иначе. Она не знала, где они. Эта неизвестность была одним из самых сильных способов лишить человека опоры. У неё был паспорт, но не было маршрута. Были глаза, но не было карты. Были ноги, но земля существовала только как воспоминание.

Когда пришло время одеваться, Алиса долго не подходила к платью. Ей было неприятно подчиняться чужому сценарию даже в такой малости, как ткань на теле. Потом она заставила себя сделать это медленно, без суеты, будто готовилась не к ужину, а к выходу на поединок, где оружие спрятано не в руке, а во взгляде. Платье село идеально, и это снова вызвало у неё раздражение. Чужие люди знали её размер, её линию плеч, длину, при которой ткань не мешала идти. Она убрала волосы так, чтобы лицо оставалось открытым, отказалась от украшений, которые лежали в небольшой коробке рядом с платьем, и оставила только собственные серьги — маленькие, почти незаметные, подаренные когда-то матерью. Эта деталь была её. Ничья больше.

В зеркало она посмотрела уже без прежней растерянности. Женщина в отражении могла бы показаться гостьей роскошной яхты, если не смотреть слишком внимательно. Но в глазах у неё не было предвкушения вечера. Там была настороженность человека, которого привели в зал, где слишком много улыбок и слишком мало случайностей. Алиса подумала, что именно такой её и хотят видеть: красивой, молчаливой, достаточно гордой, чтобы выглядеть эффектно, но недостаточно свободной, чтобы отказаться. Эта мысль обожгла. Тогда она достала из блокнота даму пик и положила карту в маленький внутренний карман сумки, которую решила взять с собой. Не талисман. Не суеверие. Просто напоминание: если они устроили игру, она будет помнить, кто начал.

Мария провела её в главный салон незадолго до ужина. По дороге Алиса отмечала всё, что не успела заметить вчера: ещё один выход к палубе, служебную дверь, лестницу вниз, где, вероятно, находились каюты команды, узкую панель связи у стены. Мария шла рядом, не касаясь её, и это делало сопровождение почти незаметным, но Алиса не позволяла себе обмануться. Свобода, которую можно сопровождать по коридору, не была свободой. Она лишь лучше выглядела со стороны.

Салон к вечеру изменился. Днём он казался дорогим и холодным, теперь же стал похож на тщательно освещённую сцену. За широкими окнами темнело море, огни где-то вдали отражались в стекле и смешивались с золотистым светом ламп. Стол был накрыт так безупречно, будто на нём не собирались есть, а собирались подтверждать власть хорошего вкуса над хаосом человеческих поступков. Уже пришли гости. Их было не слишком много, но достаточно, чтобы Алиса сразу почувствовала: каждый из них здесь не случайно. Мужчина с серебряными висками, говоривший на английском с мягким акцентом. Женщина в изумрудном платье, чья улыбка стала чуть неподвижнее при виде Алисы. Молодой человек с ленивым взглядом, который задержался на ней на полсекунды дольше, чем позволяла вежливость. Они не знали её, но некоторые, кажется, знали о ней, и эта разница была острее прямого оскорбления.

Максим стоял у окна с бокалом в руке. Он не выглядел хозяином, старающимся произвести впечатление. Ему не нужно было стараться. Люди в салоне и так были повернуты к нему внутренне, даже когда разговаривали друг с другом. Он слушал кого-то вполборота, но Алиса почувствовала, что заметил её сразу, ещё до того, как повернул голову. Их взгляды встретились, и на миг шум голосов отдалился. Он посмотрел на платье, на её лицо, на отсутствие украшений, и она с удовлетворением поняла, что он заметил и это. Потом Максим сделал шаг ей навстречу, не спеша, без улыбки, и остановился рядом так, будто их появление вместе было естественным продолжением вечера.

— Алиса Ветрова, — произнёс он, обращаясь к гостям. — Моя гостья.

Слово «гостья» легло между ними, как дорогая салфетка поверх грязного пятна. Алиса не изменилась в лице. Если он ожидал, что она возразит при всех, он ошибался. Она не станет разрушать спектакль так грубо, как от неё, возможно, ждут. Грубый протест легко объявить истерикой. Молчание, если оно достаточно спокойное, иногда тревожит сильнее. Она лишь слегка наклонила голову, принимая представление как формальность, и увидела, как несколько гостей обменялись короткими взглядами. Для них её сдержанность была частью образа, но Алиса уже решила: пусть смотрят. Чем внимательнее они будут смотреть на неё, тем меньше заметят, что она смотрит в ответ.

Ужин начался с вежливых разговоров, которые казались безопасными только на поверхности. Говорили о маршруте, о погоде, о выставке в Монако, о каком-то благотворительном аукционе, где суммы назывались так легко, словно деньги были не трудом и не кровью, а изысканной формой светского языка. Алиса почти не участвовала. Ей задавали вопросы, на которые можно было отвечать коротко, и она отвечала именно так, не позволяя втянуть себя в любезность. Она чувствовала на себе взгляды. Одни были любопытными, другие осторожными, третьи слишком оценивающими. Её рассматривали, пытаясь понять, кто она для Максима Рей-

нера: новая возлюбленная, случайный каприз, чья-то дочь, чья-то ошибка, чья-то цена. Никто не произносил этого вслух, но в светских гостиных многое никогда не произносится именно потому, что все и так понимают.

Максим сидел рядом, но не навязывал ей разговор. Иногда он отвечал за столом, иногда слушал, иногда бросал короткий взгляд в её сторону, и Алиса не могла понять, что в этих взглядах: контроль или предупреждение. Он не трогал её, не наклонялся слишком близко, не демонстрировал прав на неё перед гостями, и это снова разрушало простую картину, в которой он должен был быть грубым владельцем своего выигрыша. Но Алиса не позволяла себе смягчаться. Он мог быть воспитанным тюремщиком, тонким игроком, человеком, который умеет не пачкать рук там, где достаточно чужого понимания. Его сдержанность не отменяла того, что она сидит за этим столом не по своей воле.

После первой перемены блюд к ней обратился мужчина с серебряными висками. Его звали Лоран Делакура, и он говорил по-русски с лёгкой неточностью, которая могла бы показаться обаятельной при других обстоятельствах. Он спросил, давно ли Алиса знакома с Максимом, и за столом на мгновение стало тише, хотя никто не перестал делать вид, что занят своим разговором. Алиса почувствовала, как вопрос касается самой грязной части её появления здесь, и на секунду ей захотелось сказать правду так прямо, чтобы все эти отточенные лица наконец потеряли удобное выражение. Но она удержалась. Правда, брошенная в комнату без подготовки, могла стать не её оружием, а очередным развлечением для людей, привыкших наблюдать чужие падения.

— Достаточно давно, чтобы понять, что господин Рейнер не любит объяснять свои решения, — ответила она.

Максим чуть повернул голову. Лоран улыбнулся, не сразу поняв, была ли это шутка, но за столом кто-то тихо усмехнулся. Алиса почувствовала, как внутри у неё укрепляется тонкая холодная нить. Она не обязана играть роль благодарной спутницы. Но может играть роль женщины, которая умеет оставлять следы когтей даже на бархате.

Гость с ленивым взглядом, сидевший ближе к ней, представился Андреасом и почти сразу нарушил ту границу, которую остальные пока обходили осторожно. Он говорил негромко, но его внимание было слишком плотным. Сначала он похвалил её платье, потом заметил, что на яхте Максима редко появляются случайные люди, потом позволил себе фразу о том, что некоторые украшения особенно выигрывают в правильной оправе. Это было сказано с улыбкой, достаточно тонкой, чтобы при желании её можно было принять за комплимент. Алиса почувствовала, как под кожей вспыхнуло отвращение. Ей захотелось поставить бокал на стол так резко, чтобы звон стекла разрезал эту вязкую вежливость. Но прежде чем она успела ответить, Максим заговорил.

Он не повысил голос. Он даже не посмотрел на Андреаса с открытой угрозой. Но атмосфера за столом мгновенно изменилась, словно кто-то незаметно закрыл дверь в комнате, где стало меньше воздуха.

— Осторожнее с метафорами, — сказал Максим. — Иногда они выдают больше, чем собеседник хотел бы показать.

Андреас усмехнулся, но в этой усмешке уже не было прежней ленивой самоуверенности. Он поднял бокал, будто признавая замечание, и отступил в безопасную светскую пустоту разговора о винах. Алиса сидела неподвижно. Ей нужно было решить, что она почувствовала: облегчение, злость, унижение. Максим пресёк чужую наглость, но сделал это как хозяин пространства, а не как человек, признающий её право самой ответить. Он защитил её или обозначил границу своей собственности? Разница была важной, но в тот момент она не могла её уловить. Ей было противно, что его вмешательство оказалось своевременным. Ещё противнее — что без него фраза Андреаса могла бы повиснуть за столом, оставив на ней липкий след чужого взгляда.

Она повернулась к Максиму и тихо сказала так, чтобы слышал только он:

— Мне не нужен защитник.

— Я заметил, — ответил он так же тихо.

В его голосе не было насмешки. Это должно было разозлить её меньше, но разозлило сильнее. Она отвернулась, чувствуя, что рядом с ним любое её движение оказывается увиденным, а любое слово — взвешенным. Он не спорил, не подавлял, не оправдывался. Он просто присутствовал рядом как сила, которую невозможно не учитывать, и Алиса ненавидела это почти так же сильно, как ненавидела отцовскую слабость. Отец разрушал жизнь хаосом. Максим — порядком. И пока Алиса не знала, что опаснее.

После ужина гости переместились в салон. Музыка стала чуть тише, разговоры распались на небольшие группы, кто-то вышел на палубу с бокалом, и ночь за окнами сделала яхту ещё более отделённой от мира. Алиса стояла у полки с книгами, делая вид, что рассматривает корешки, а на самом деле слушала обрывки фраз. Говорили о маршруте к итальянскому побережью, о человеке по фамилии Кравец, который должен был присоединиться позже, о каких-то документах, о невозможности задерживаться в одном порту дольше необходимого. Каждая фраза была кусочком чужой карты, и Алиса собирала их с напряжением, не позволяя лицу выдать интерес. Имя Кравца она ещё не знала, но интонация, с которой его произнесли, заставила её запомнить. В этом имени было что-то неприятное даже до знакомства.

Женщина в изумрудном платье подошла к ней ближе, чем требовала случайность. Она представилась Камиллой и заговорила о море, о том, что первые дни на яхте часто кажутся странными тем, кто не привык к такому образу жизни. Алиса слушала и понимала, что за этой мягкой светской заботой скрывается желание проверить, насколько она осведомлена, насколько напугана, насколько связана с Максимом. Камилла смотрела внимательно, но не грубо, как смотрят на редкий предмет в чужой коллекции и одновременно пытаются угадать его цену.

— У господина Рейнера необычный вкус, — сказала она наконец. — Он редко показывает то, что действительно ценит.

Алиса медленно повернула к ней голову.

— Значит, вам не стоит делать выводы слишком быстро.

Камилла улыбнулась. В её глазах мелькнуло уважение или раздражение, Алиса не успела понять. Но женщина отступила, и это маленькое отступление стало для Алисы первой победой за вечер. Не настоящей, не важной для исхода, но необходимой. Она могла быть окружена, выставлена, представлена как «гостья», но не была обязана становиться удобной.

Максим находился у противоположной стороны салона и разговаривал с Лораном. Он не смотрел на Алису постоянно, но она чувствовала, что ни один человек не подходит к ней без его внутреннего внимания. Это было почти невыносимо: быть одновременно под охраной и под надзором, не знать, где заканчивается одно и начинается другое. Когда она вышла на открытую часть палубы, один из людей команды сразу оказался неподалёку, будто случайно проверял крепления у борта. Алиса не стала оборачиваться к нему. Она подошла к перилам и вдохнула ночной воздух.

Море в темноте уже не казалось открыткой. Оно было живым, глубоким, равнодушным, и в его равнодушии была странная честность. Море не притворялось добрым. Не называло плен гостеприимством. Не укладывало насилие в складки дорогой ткани. Алиса смотрела на тёмную воду и впервые за вечер позволила лицу немного устать. За спиной смеялись гости, звенело стекло, звучали слова на разных языках, но всё это казалось далёким. Здесь, у борта, она снова могла думать.

Она вспомнила Андреаса и его фразу об украшении. Вспомнила, как Максим остановил его. Вспомнила взгляды за столом, полные любопытства, осторожности, скрытого знания. Её действительно вывели к ним как доказательство. Возможно, доказательство того, что Мак-

сим выиграл. Возможно, что он контролирует ситуацию. Возможно, что она не у Кравца, имя которого только что прозвучало где-то в салоне с неприятным оттенком. Но смысл для неё не менялся. Её хотели видеть частью чужой композиции. Красивой деталью рядом с мужчиной, который не объясняет своих решений. Живым украшением на яхте с названием «Козырная дама».

От этой мысли внутри стало тихо. Не спокойно, а именно тихо, как бывает перед настоящим решением. Алиса больше не хотела тратить силы на то, чтобы доказать каждому за столом, что она не вещь. Доказательства такого рода редко убеждают тех, кто привык считать людьми только равных себе. Гораздо полезнее было сделать то, что она уже начала: смотреть, слушать, запоминать. Если они воспринимают её как украшение, пусть так. Украшениям доверяют молчание. Рядом с украшениями говорят лишнее. На украшения смотрят, но не ждут, что они смотрят в ответ.

Когда Максим вышел на палубу, Алиса не обернулась сразу. Она услышала его шаги, хотя он двигался тихо. Пауза между ними легла естественно, без необходимости сразу начинать разговор. Он остановился рядом, но не слишком близко, и некоторое время они оба смотрели на воду.

— Вы устали, — сказал он наконец.

— Это забота или наблюдение?

— Наблюдение.

— Тогда наблюдайте молча.

Он не ответил, и это молчание снова оказалось послушным только на вид. Алиса чувствовала, что он не ушёл не потому, что не понял её просьбу, а потому что решил остаться. Её просьбы на этой яхте исполнялись лишь до той границы, где начинались его собственные соображения.

— Сегодня вы держались сильнее, чем многие на вашем месте, — произнёс он спустя несколько секунд.

Алиса повернулась к нему. Ночной свет делал его лицо жёстче, подчёркивал тёмные глаза и линию рта, в которой редко появлялось что-то похожее на мягкость. Комплимент, если это был комплимент, прозвучал почти как констатация факта. Но после всего вечера она не могла принять даже это.

— На моём месте не должен быть никто.

Максим посмотрел на неё долго. В этот раз в его взгляде не было ни возражения, ни привычной закрытой вежливости. На миг Алисе показалось, что он согласен. Не словами, не поступками, но где-то глубоко, там, куда она не имела доступа. Это ощущение было настолько неожиданным, что она тут же внутренне оттолкнула его. Согласие не освобождает. Сожаление не возвращает берег. Мужчина, который понимает неправильность происходящего и всё равно продолжает, опаснее того, кто вообще не видит вины.

— Вы правы, — сказал он.

Алиса почти рассмеялась, но удержалась.

— Тогда отпустите меня.

— Пока не могу.

Вот и всё. Два коротких слова, в которых снова сомкнулась вся реальность. Пока не могу. Не «не хочу», не «не отпущу», не «вы мне принадлежите». Он выбирал формулировки так точно, что каждая оставляла пространство для тайны и одновременно закрывала дверь. Алиса вдруг устала от этой точности. Ей хотелось грубой, простой правды, пусть даже страшной. Но Максим продолжал держать её в полутьме, и она начала понимать: возможно, именно полутьма была главным способом управлять ею.

Она отступила от борта.

— Тогда не говорите со мной так, будто между нами есть что-то, кроме вашего «не могу» и моего «не хочу».

Максим не остановил её. Она прошла мимо него обратно в салон, чувствуя на себе его взгляд, и на этот раз ей удалось не ускорить шаг. Гости постепенно расходились по палубе и лаундж-зонам, вечер становился более свободным, но Алисе больше не было нужды оставаться. Она уже увидела достаточно для первой партии: кто смотрит, кто проверяет, кто позволяет себе лишнее, кто боится имени Кравца, кто слушает Максима даже тогда, когда тот молчит.

В каюту она вернулась одна. По крайней мере, формально одна; шаги сопровождающего стихли в коридоре только после того, как она закрыла дверь. Алиса сразу сняла платье и аккуратно повесила его обратно в шкаф, не потому что хотела сохранить, а потому что отказалась превращать собственную злость в бессмысленный жест. Потом надела свою одежду, села за стол и открыла блокнот. Рука не дрожала. Она записала имена: Лоран Делакруа, Камилла, Андреас, Кравец — упоминали с осторожностью. Затем несколько строк о маршруте, о том, кто как реагировал на её появление, о фразе Максима на палубе. «Пока не могу». Она подчеркнула эти слова один раз и долго смотрела на них.

Пока. В этом слове была ловушка и обещание одновременно. Оно могло означать, что однажды он отпустит её. Могло означать, что он просто откладывает объяснения до удобного момента. Могло означать, что где-то за пределами яхты действительно есть опасность, о которой он не говорит. Алиса не знала, какой вариант страшнее. Если Максим лжёт, она в руках человека, который умеет делать ложь почти благородной. Если говорит правду, значит, за пределами этой дорогой клетки есть кто-то ещё, кто считает её частью игры.

Она достала из сумки даму пик и положила рядом с блокнотом. Вечер должен был унижить её, превратить в молчаливое доказательство чужой победы, в красивую фигуру рядом с Максимом Рейнером. Но они просчитались в одном: женщина, которую считают украшением, получает редкую привилегию быть недооценённой. Алиса смотрела на карту и чувствовала, как внутри, под усталостью и страхом, под болью отцовского предательства, рождается холодное терпение. Она не знала ещё, куда приведёт эта игра, не знала правил и не знала настоящих ставок. Но теперь у неё появились первые имена, первые взгляды, первые слабые места в чужой уверенности.

А это значило, что вечер прошёл не зря.

Глава 5. Первая попытка побега

Марсель появился на горизонте не сразу, а словно медленно проступил из утреннего света, сначала лёгкой линией берега, потом силуэтами домов, портовых кранов, башен и крыш, которые постепенно отделялись от моря и становились городом. Алиса стояла у окна своей каюты уже почти час, хотя со стороны это выглядело бы как обычное любовное свидание. Она давно научилась придавать неподвижности смысл. Если человек слишком явно ищет выход, его останавливают раньше, чем он сделает первый шаг. Если же он просто смотрит на воду, на берег, на медленно приближающуюся гавань, никто не может запретить ему думать. А думала она с той холодной сосредоточенностью, которая пришла после вчерашнего ужина и уже не отпускала. Марсель был не просто очередной стоянкой. Он был землёй. Шумным, настоящим, непослушным городом, где чужая система могла дать трещину хотя бы потому, что за пределами яхты слишком много случайных людей, слишком много улиц, слишком много дверей, за которыми Максим Рейнер не мог стоять лично.

Ночью она почти не спала. Не от страха, хотя страх никуда не делся, а от внутренней работы, которая не прекращалась даже тогда, когда тело требовало отдыха. После ужина у неё появились первые сведения. Она знала, что яхта должна была войти в порт утром и простоять там до позднего вечера, потому что один из гостей вскользь упомянул встречу на берегу. Она знала, что часть команды будет занята пополнением запасов, что Мария обычно сопровождает её в общих зонах, но не входит в каюту без стука, что у трапа всегда дежурит минимум один человек Максима, а иногда двое. Она знала, что её личный телефон, скорее всего, где-то у охраны или в кабинете Рейнера, и потому не тратила время на невозможное. Ей нужен был не телефон. Ей нужно было расстояние. Несколько минут без взгляда за спиной. Один поворот за угол. Один кусок города, где её можно потерять.

Свою подготовку Алиса начала ещё до завтрака. Она оделась просто, почти незаметно: светлая рубашка, свободные брюки, удобная обувь, которую нашла в шкафу и, после короткого отвращения к чужой предусмотрительности, всё-таки надела. Гордость хороша, пока не мешает бежать. В маленькую сумку она положила паспорт, немного наличных, которые остались у неё ещё с квартиры, блокнот, карту дамы пик и тонкий шарф, который можно было использовать, чтобы изменить силуэт или прикрыть волосы. Несколько раз она проверила застёжку, потом заставила себя остановиться. Излишняя тщательность выдаёт так же верно, как паника. Если она будет выглядеть человеком, который готовится исчезнуть, её остановят ещё в коридоре. Если будет выглядеть усталой женщиной, которой нужен воздух и город после суток на яхте, у неё появится шанс.

Когда Мария постучала, Алиса уже сидела у стола с чашкой кофе, будто утро ничем не отличалось от предыдущего. Она не притронулась к блокноту, не оглянулась на сумку, не позволила взгляду задержаться на двери. Мария вошла с обычной спокойной деликатностью, но сегодня Алиса увидела в её лице едва заметное напряжение. Значит, стоянка в городе меняла правила не только для неё. Значит, берег действительно был опасным местом, если даже на яхте, где всё привыкли держать под контролем, воздух стал плотнее.

— Мы в Марселе, — сказала Мария. — После обеда вы можете выйти на палубу. Если захотите пройтись по причалу, нужно будет сопровождение.

Алиса подняла глаза медленно, будто предложение не имело для неё особого значения.

— Господин Рейнер сегодня тоже будет сопровождать меня лично?

Мария не сразу ответила. Эта короткая пауза была дороже любого объяснения.

— У него встреча на берегу.

Значит, правильно. Значит, его не будет рядом всё время. Алиса отпила кофе, хотя он уже остыл, и почувствовала, как внутри отозвалось тревожное, почти болезненное оживление. Она не позволила ему проявиться. Лицо должно было оставаться спокойным, даже немного равнодушным, потому что слишком сильное желание выйти на берег было бы заметно.

— Тогда я, пожалуй, останусь на палубе, — сказала она. — Вид города отсюда достаточно хорош.

Мария посмотрела на неё внимательно. Алиса выдержала этот взгляд, не меняя выражения лица. Она понимала, что эта женщина умнее обычного персонала и наверняка видит больше, чем показывает. Но видеть — ещё не значит остановить. Иногда люди замечают чужое отчаяние и всё равно делают вид, что не заметили, потому что не знают, на чьей стороне имеют право быть.

После ухода Марии Алиса подошла к окну. Яхта уже входила в порт, и город открывался шире. Марсель не был похож на открытку. В нём было слишком много настоящего движения, слишком много резких линий, следов старости и жизни, которая не обязана нравиться чужому вкусу. Белые стены, плотная застройка, портовая вода, на которой свет лежал не гладко, а нервно, словно его всё время разбивали проходящие катера. Алиса смотрела на всё это и чувствовала, что впервые после появления Максима Рейнера мир за стеклом не кажется декоративным. Он был не красивым обещанием, а возможностью. Грязной, шумной, рискованной, но настоящей.

К полудню на яхте стало больше движения. Команда работала тише, чем в обычном порту, но всё равно невозможно было скрыть подготовку к стоянке: проходили люди с документами, кто-то говорил по рации, у служебного выхода появлялись ящики и контейнеры, на нижней палубе открывали технические двери, которые обычно оставались закрытыми. Алиса вышла из каюты не сразу. Она ждала, пока на борту возникнет естественная занятость, в которой один лишний шаг можно будет принять за часть общего беспорядка. На ней был шарф, свободно повязанный на шее, сумка висела на плече. Она взяла блокнот в руку, чтобы выглядеть так, будто собирается посидеть на палубе и записывать впечатления, и, прежде чем открыть

дверь, на несколько секунд закрыла глаза. Страх нужно было не убрать, а поставить на место. Он мог быть рядом, но не впереди неё.

Коридор был пуст. Это ничего не значило, но всё равно стало первым подарком дня. Алиса пошла к лестнице неспешно, как человек, который не торопится никуда и потому не требует внимания. У поворота она встретила молодого матроса, имени которого не знала. Он кивнул ей вежливо и прошёл дальше с папкой в руках. Она отметила направление, куда он свернул, и продолжила путь. Салон был почти пуст, только у барной стойки стоял мужчина из команды и разговаривал с Марией. Мария увидела Алису сразу, но не подошла. Это было лучше и хуже одновременно. Лучше — потому что лишало необходимости объясняться. Хуже — потому что женщина могла наблюдать за ней издалека.

На верхней палубе воздух оказался тёплым и живым. Город шумел совсем рядом, и этот шум ударил Алисе в грудь сильнее морского ветра. После суток на яхте даже гудки машин, голоса рабочих, крики чаек и неразборчивый говор на причале звучали как доказательство свободы. Она подошла к борту и долго смотрела вниз, на людей, которые занимались обычными делами. Никто из них не подозревал, что для неё каждый их шаг по земле кажется невероятной роскошью. Там, у трапа, стоял один из охранников Максима. Не тот, что сопровождал её из квартиры, а другой, широкоплечий, с лицом человека, который умеет не выглядеть охранной ровно до того момента, когда это становится ненужным. Он не смотрел на неё постоянно, но Алиса знала: стоит ей направиться к трапу, он окажется рядом.

Она не направила. Вместо этого села в кресло у теневой стороны палубы, открыла блокнот и сделала вид, что пишет. На самом деле она наблюдала. Через пятнадцать минут к трапу подошли двое людей из службы снабжения, один с накладными, второй с тележкой. Охранник отвлёкся на проверку документов. Ещё через несколько минут Мария вышла из салона и спустилась вниз, вероятно, к служебной зоне. На палубе остался человек команды у дальней лестницы, но он был занят телефонным разговором. Всё это могло быть случайным. Или могло оказаться тем самым коротким просветом, который больше не повторится.

Алиса закрыла блокнот. Не встала сразу, потому что резкое движение выдало бы её. Сначала поправила шарф, потом поднялась, как будто ей просто стало жарко на солнце, и пошла не к трапу, а к противоположной стороне палубы, где вчера заметила узкую лестницу вниз. Она не знала, куда та ведёт, но видела, как утром по ней проходил человек с ящиком. Служебные маршруты всегда менее торжественны и потому менее защищены. Её сердце билось слишком громко, но шаги оставались ровными. В этот момент она почти не думала о Максиме. Ненависть к нему была роскошью, которую можно позволить себе потом. Сейчас существовали только расстояние до лестницы, угол обзора охранника и собственное дыхание, которое нельзя было сбить.

Лестница привела её к узкому проходу вдоль нижней палубы. Здесь яхта уже не казалась безупречным салоном для гостей. Здесь пахло металлом, моющими средствами, морской влагой, и этот запах показался Алисе почти честным. Она пошла быстрее, но всё ещё не бежала. За одной из приоткрытых дверей кто-то говорил по-французски, дальше стояли два контейнера с бельём, рядом висели запасные канаты. Служебный выход был открыт. За ним виднелась часть причала, не парадного, где встречали гостей, а бокового, куда привозили припасы. Между яхтой и землёй лежал короткий металлический трап, и у него никого не было.

На секунду Алиса остановилась. Не от сомнения, а потому что тело вдруг отказалось верить, что всё может быть так близко. Земля была в нескольких шагах. Не метафора, не вид за стеклом, не линия берега вдалеке, а настоящая бетонная поверхность порта, на которой стояли ящики, следы воды, чьи-то окурки, забытая рабочая перчатка. Никогда в жизни бетон не казался ей таким прекрасным. Она сделала шаг, потом второй, и, когда подошвы коснулись причала, внутри неё что-то резко оборвалось, как натянутая верёвка.

Она не оглянулась.

Первые минуты Алиса шла вдоль служебной зоны порта, не ускоряясь. Это оказалось труднее, чем бежать. Каждая клетка тела требовала сорваться, исчезнуть, превратить страх в движение, но разум понимал: бегущая женщина запоминается. Женщина, идущая быстро, но не панически, может быть сотрудницей, пассажиркой, чьей-то спутницей, обычной частью портового дня. Она поправила шарф так, чтобы он прикрывал волосы, сунула блокнот в сумку и свернула к выходу, ориентируясь по потоку людей. Несколько раз ей казалось, что за спиной раздался окрик, но это были чужие голоса, обращённые не к ней. Мир не знал, что она сбежала. Мир был занят собой, и Алиса впервые за долгое время полюбила его за это равнодушие.

За воротами порта Марсель принял её шумом. Город оказался слишком большим для чужой руки, слишком живым для чужого контроля, и на несколько мгновений Алиса позволила себе поверить, что этого достаточно. Она шла по улице, где пахло кофе, рыбой, горячим камнем, где витрины отражали людей и машины, где туристы останавливались с картами, а местные проходили мимо с той уверенной скоростью, которая выдаёт привычку к месту. Алиса старалась не смотреть назад слишком часто. Охрана могла заметить пропажу через минуту, через пять, через двадцать. Максим мог быть на встрече, Мария могла подумать, что она всё ещё на палубе. Но как только они поймут, начнут искать. А значит, ей нельзя было оставаться рядом с портом.

Она свернула в более узкую улицу, потом в другую, где было меньше туристов и больше обычных лавок. Шарф она сняла и убрала в сумку, волосы распустила, потом, дойдя до витрины маленького магазина одежды, остановилась и посмотрела на своё отражение. Лицо было слишком напряжённым. Она заставила себя расслабить рот, чуть опустить плечи, стать похожей не на беглянку, а на женщину, которая просто идёт по своим делам. Это превращение далось почти больно, потому что внутри неё всё продолжало кричать. Но она знала, что страх, если его видно, становится следом.

Ей нужна была полиция. Или консульство. Или хотя бы общественное место, где можно занять телефон и позвонить кому-то, кто не принадлежит Максиму. Но кому? Отцу? Эта мысль вызвала такую горькую, почти физическую реакцию, что она остановилась у края тротуара и на секунду закрыла глаза. Виктор не был спасением. Он был причиной. Если она позвонит ему, он может расплакаться, может попросить прощения, может сказать, что всё хотел исправить, но он не сможет защитить её ни от кого. Его любовь, если она ещё существовала, была слишком слабой, чтобы стать стеной. Алиса открыла глаза и пошла дальше. Значит, полиция. Пусть Максим говорил, что это опасно. Пусть уверял, что закон не спасёт от тех, кто действует вне закона. Сейчас это были его слова, а она не обязана строить свободу на доверии к человеку, который увёз её на яхту.

Но город, такой желанный издали, вблизи оказался сложнее. Она плохо ориентировалась, французский знала недостаточно свободно для объяснений, телефон без связи лежал в сумке бесполезным куском стекла. Несколько раз она видела полицейские машины, но они проезжали мимо, не останавливаясь. Можно было подойти к любому кафе, попросить вызвать помощь, но каждый такой шаг требовал произнести вслух абсурдную правду, и Алиса вдруг поняла, почему Максим говорил о трудности закона. Не потому, что закон бессилён всегда, а потому, что сначала нужно заставить его увидеть происходящее как реальность. Женщина без следов насилия, с паспортом, в дорогой одежде, сбежавшая с яхты богатого человека и рассказывающая о карточном долге отца, легко могла показаться не жертвой преступления, а участницей скандала, который сама не до конца понимает. Эта мысль не остановила её, но сделала шаги тяжелее.

Она вошла в небольшую аптеку, купила бутылку воды и попросила у продавщицы подсказать ближайший полицейский участок. Та объяснила быстро, показала направление рукой, потом, заметив напряжение Алисы, спросила что-то ещё. Алиса не ответила сразу, потому что боялась, что голос сорвётся. Потом поблагодарила и вышла. У неё появился путь. Нужно

пройти две улицы до площади, потом повернуть к широкому проспекту. Это было не так далеко. Достаточно далеко, чтобы успеть исчезнуть, если её ещё не ищут. Достаточно близко, чтобы страх начал подгонять.

Именно тогда она впервые увидела мужчину в серой рубашке.

Он стоял у витрины табачного магазина и говорил по телефону, но его взгляд на секунду задержался на ней не как взгляд случайного прохожего. Алиса прошла мимо, не меняя темпа, и только через несколько метров позволила себе посмотреть в отражение стекла. Мужчина не пошёл за ней сразу. Может быть, это была её тревога. Может быть, обычный человек с обычным взглядом. Но через квартал она заметила его снова, уже на другой стороне улицы. Он не приближался, не торопился, не делал ничего такого, что можно было бы назвать преследованием. Именно поэтому он испугал её сильнее. Люди Максима, по крайней мере, были частью понятного круга. Этот мужчина мог быть кем угодно.

Алиса свернула в переулок, потом почти сразу вышла на более оживлённую улицу. Сердце снова стучало слишком быстро, но теперь страх стал иным. Свобода, которая ещё десять минут назад казалась широкой, вдруг сузилась до нескольких метров вокруг неё. Она не знала, ищут ли её люди Максима или кто-то другой. Не знала, кому принадлежит мужчина в серой рубашке. Не знала, сколько времени прошло с момента её исчезновения. Но впервые за всё время она вынуждена была признать, что берег не стал автоматически безопасным. Эта мысль злила её почти так же сильно, как пугала, потому что в ней звучало далёкое эхо слов Максима, а Алиса не хотела, чтобы он оказался прав хоть в чём-нибудь.

Она ускорила шаг. До площади оставалось совсем немного, если продавщица объяснила верно. Впереди уже виднелась открытая светлая часть улицы, движение машин, люди у пешеходного перехода. Алиса почти дошла до угла, когда из боковой двери небольшого отеля вышел другой мужчина и встал так, что ей пришлось бы обойти его слишком близко. Он не смотрел на неё прямо, но его появление было слишком точным. Алиса остановилась на долю секунды, и этой доли хватило, чтобы страх стал окончательным. Мужчина в серой рубашке был уже позади.

Она не побежала. Ещё нет. Вместо этого резко перешла улицу перед замедлившейся машиной, услышала раздражённый сигнал, почти не обратила внимания и вошла в поток людей у остановки. Там было людно, и на несколько секунд толпа скрыла её. Она воспользовалась этим, чтобы свернуть к арке между домами, где увидела проход на соседнюю улицу. Теперь она уже шла слишком быстро, почти срываясь на бег, но всё ещё пыталась держать лицо. В сумке лежал паспорт. В кармане — карта дамы пик. Впереди должен был быть проспект, полиция, возможность сказать хоть кому-то: меня удерживают против воли. Но за спиной шаги стали ближе.

Её остановили не грубо. В этом была вся мерзость момента. Рука легла на её локоть крепко, но не болезненно, и мужской голос рядом произнёс по-русски:

— Не стоит устраивать сцену, Алиса Викторовна.

Фамилия отца, отчество, спокойная интонация — всё это ударило сильнее, чем если бы её схватили молча. Алиса резко обернулась и увидела не мужчину в серой рубашке, а одного из охранников Максима, того самого, который стоял утром у трапа. Он был спокоен, слегка запыхавшийся, но не злой. В его лице не было торжества. Для него это была работа, неприятная, но выполненная вовремя.

— Уберите руку, — сказала Алиса.

Он убрал. Сразу. И это тоже было частью их проклятой системы: держать ровно столько, сколько нужно, и отпустить в тот миг, когда открытое принуждение становится лишним.

— Господин Рейнер ждёт вас в машине.

Алиса посмотрела через его плечо и увидела чёрный автомобиль у края улицы. Максим действительно был там. Не вышел сразу, не бросился к ней, не устроил демонстрацию власти.

Он сидел на заднем сиденье, и сквозь затемнённое стекло она различала только его силуэт. Почему-то именно это спокойствие стало последней каплей. Не то, что её нашли. Не то, что попытка сорвалась. А то, что он, вероятно, знал: так и будет. Дал ей дойти до города? Недооценил? Или, наоборот, просчитал заранее, сколько времени ей потребуется, чтобы понять опасность? Ответов не было, и от их отсутствия Алисе захотелось закричать.

Она могла закричать. Вокруг были люди. Кто-то уже смотрел в их сторону. Но охранник стоял на расстоянии, не держал её, не угрожал. Максим ждал в машине, как человек, приехавший забрать знакомую после неприятного недоразумения. Внешне сцена выглядела почти нормально. А нормальность была самой прочной маской насилия.

Алиса сама подошла к машине. Охранник не подталкивал её. Дверь открыл водитель, но она остановилась перед тем, как сесть, и посмотрела на Максима. Он вышел всё-таки. Медленно, без резкости, с лицом, на котором не было ни гнева, ни облегчения, ни даже упрёка. Это вывело её из себя сильнее любого крика.

— Поздравляю, — сказала она. — Вы снова победили.

Максим несколько секунд молчал. Вблизи он выглядел уставшим, и эта усталость была не физической. Алиса почти ненавидела себя за то, что заметила это. Она не хотела видеть в нём ничего человеческого. Не после того, как город, который должен был стать свободой, снова закончился его присутствием.

— Это не игра, Алиса.

Она усмехнулась, но голос дрогнул от ярости.

— Правда? А я уже начала сомневаться. Меня поставили, выиграли, перевезли, показали гостям, вернули с первой же попытки. Очень похоже на игру, господин Рейнер. Просто карты у вас лучше.

Он принял её слова без видимой защиты. И снова этот его способ не отвечать ударом на удар не приносил ей удовлетворения. Она хотела разбить его спокойствие, а он лишь смотрел на неё так, будто каждое её обвинение было не неожиданностью, а частью долга, который он заранее согласился нести.

— За вами шли не только мои люди, — сказал он.

Алиса резко подняла глаза.

— Удобная фраза.

— Мужчина в серой рубашке. Вы его видели.

Она застыла. На мгновение город вокруг стал тише. Она не хотела, чтобы он произнёс это. Не хотела подтверждения тому, что её страх в последние минуты был не воображением. Потому что вместе с этим подтверждением в реальность входило то, чего она упорно не желала признавать: Максим мог говорить правду. Не всю, не честно, не вовремя, но правду хотя бы в этой части.

— Кто он? — спросила она.

— Не здесь.

— Конечно. Ответы у вас всегда не здесь и не сейчас.

Максим открыл дверцу машины.

— Сядьте в машину.

Она посмотрела на него с такой ненавистью, что у любого другого мужчины, возможно, дрогнуло бы лицо. У него не дрогнуло. Или она не увидела. Но в его неподвижности теперь не было прежней власти победителя. Было что-то более тёмное, почти напряжённое. Он смотрел не только на неё, но и на улицу за её спиной. Алиса не обернулась. Ей не хотелось показывать, что он всё-таки сумел заразить её своим страхом.

В машине они долго молчали. Марсель двигался за окнами, живой и недоступный, как насмешка. Алиса сидела, прижав сумку к себе, и чувствовала, как поражение становится тяжёлым, но не окончательным. Она не позволила себе плакать. Не позволила спрашивать, куда её

снова везут, хотя ответ был очевиден. Яхта. Белый борт. Каюта с окном, которое не открывается. Блокнот на столе. Всё то, от чего она попыталась уйти и куда теперь возвращалась уже не только пленницей, но и человеком, впервые увидевшим, что за пределами клетки может быть другая ловушка.

Максим сидел рядом и тоже не говорил. Его молчание больше не казалось ей просто способом контроля. В нём было напряжение человека, который проиграл что-то невидимое, хотя внешне вернул ситуацию под контроль. Алиса не хотела об этом думать. Если начнёт искать в нём противоречия, ненависть станет менее чистой, а сейчас она нуждалась в ней как в опоре.

У трапа яхты всё выглядело так, будто ничего не случилось. Команда продолжала работу, море мягко плескалось у борта, Мария стояла чуть в стороне с бледным лицом и опущенными руками. Алиса прошла мимо неё, не сказав ни слова. Подниматься на яхту оказалось тяжелее, чем в первый раз. Тогда её привезли силой обстоятельств, почти без возможности понять. Теперь она сама несла на себе неудачу своей попытки, и каждый шаг по трапу казался признанием поражения. Но внутри неё, под этим тяжёлым чувством, уже двигалось другое. Она бежала. Пусть ненадолго. Пусть её нашли. Пусть город оказался не спасением. Но она доказала себе, что может выйти за пределы их системы. Значит, в ней есть трещины.

В салоне Максим остановил её.

— Больше не пытайтесь уходить вслепую.

Алиса медленно повернулась. Они стояли почти в том же пространстве, где вчера он представил её гостям как свою гостью. Теперь в салоне не было посторонних, и от этого его слова звучали честнее и грубее.

— А вы дайте мне зрение, — сказала она. — Расскажите, от кого я должна спасаться, кроме вас.

Максим долго молчал. Она уже знала это его молчание, но сегодня в нём было меньше закрытой вежливости и больше внутренней борьбы. Он словно хотел сказать больше и снова остановил себя на той границе, за которую не позволял перейти ни ей, ни, возможно, самому себе.

— Пока не могу.

Алиса устало закрыла глаза на секунду. Те же слова. Та же дверь, закрытая мягко и окончательно.

— Тогда не удивляйтесь, что я буду пытаться снова.

Он не ответил сразу. Потом произнёс очень тихо:

— Я и не удивляюсь.

Эта фраза почему-то ударила сильнее запрета. В ней не было ни угрозы, ни упрёка. Только странное, почти горькое признание её права сопротивляться, которое ничего не меняло. Алиса отвернулась и пошла к своей каюте. За ней не последовали вплотную, но она знала, что теперь наблюдение станет плотнее. Возможно, ей сократят пространство. Возможно, у трапа поставят ещё одного человека. Возможно, Мария больше не оставит её одну на палубе. Всё это было ожидаемо. Цена первой попытки всегда выше, чем кажется.

В каюте она закрыла дверь, подошла к столу и достала блокнот. Рука на этот раз дрожала, но она всё равно начала писать. Марсель. Служебный выход. Боковой трап. Аптека. Мужчина в серой рубашке. Люди Максима нашли через двадцать, может быть, тридцать минут. Полиция недалеко от площади. Проверить маршрут, если будет возможность. Она записывала всё, пока дыхание не стало ровнее. Потом достала карту дамы пик и положила её рядом.

Первая попытка не удалась. Но провал не был пустым. Теперь она знала, что служебный проход существует, что город можно достичь, что охрана не всевидящая, что за ней действительно могут следить не только люди Максима, и что его предупреждения не обязательно были выдумкой. Это знание не делало его союзником. Не делало яхту убежищем. Но оно усложняло

мир, а сложный мир опаснее простого, потому что в нём нельзя действовать одной только ненавистью.

Алиса смотрела на свои записи и чувствовала, как внутри снова поднимается холодное терпение. Максим вернул её на яхту. Он мог считать это победой, если хотел. Но она уже поняла главное: при каждой стоянке будет искать новый путь. Не потому, что уверена в успехе. Не потому, что не боится. А потому, что человек, однажды согласившийся ждать разрешения на свободу, незаметно начинает считать клетку домом.

Этого она не позволит.

Глава 6. Человек без объяснений

После Марселя яхта будто стала тише, хотя внешне на ней почти ничего не изменилось. Команда двигалась с той же мягкой точностью, Мария по-прежнему стучала перед тем, как войти, еду приносили вовремя, вода за окном меняла оттенки в зависимости от света, и только Алиса чувствовала, что вокруг неё незаметно сомкнулся новый слой контроля. Он не выражался в запертых дверях или грубых приказах, и от этого становился ещё неприятнее. У трапа теперь дежурили двое. На палубе кто-нибудь из команды всегда оказывался поблизости, даже если делал вид, что занят своими обязанностями. В коридоре шаги стихали чуть позже, чем раньше, словно человек, прошедший мимо её каюты, на самом деле задерживался, прислушиваясь. Её не наказали за побег открыто. Не лишили еды, не закрыли в комнате, не устроили сцены. Просто пространство вокруг стало внимательнее, и Алиса понимала: это тоже наказание, только более вежливое, более дорогое, более соответствующее миру Максима Рейнера.

Она проснулась рано, почти сразу после рассвета, и первое время лежала неподвижно, глядя на бледную полоску света у края занавески. Тело болело не от усталости, а от вчерашнего напряжения, от сдержанного бега по марсельским улицам, от резкой перемены надежды на поражение. В памяти всё ещё стоял город: солнечный шум, аптека, женщина за прилавком, короткая инструкция к полицейскому участку, мужчина в серой рубашке, чёрная машина у края улицы. Алиса снова и снова возвращалась к этому мужчине, к тому, как он смотрел, как появился во второй раз, как не приближался слишком явно. Если бы Максим не назвал его, она, возможно, убедила бы себя, что это была игра воображения. Но он назвал. И теперь эта деталь лежала внутри неё как заноза, мешая ненавидеть его простым и удобным способом.

Именно это злило сильнее всего. Не усиленная охрана. Не сорванный побег. Не даже то, что она снова оказалась в каюте с окном, которое не открывалось. Алиса злилась на трещину в собственной уверенности. До вчерашнего дня мир делился ясно: она — человек, которого предали; отец — слабый игрок, произнёсший её имя за столом; Максим — победитель, забравший её как часть выигрыша. Такая схема была страшной, но в ней можно было дышать, потому что ненависть в ней имела направление. Теперь же рядом с главным врагом возникла тень другого, неизвестного, возможно, более опасного. И Максим, вместо того чтобы исчезнуть из её внутреннего суда, стал человеком, который предупреждал. Не спасал, нет, не оправдывался и не получал права на доверие. Но предупреждал. Алиса ненавидела самую необходимость признавать этот факт.

После завтрака она сама вышла из каюты. Не стала ждать Марию и не стала прятаться в комнате, потому что любое добровольное затворничество слишком легко превращается в привычку. Коридор встретил её прохладным воздухом и приглушённым светом. Алиса шла медленно, останавливаясь у тех мест, которые прежде только отмечала в блокноте: панель связи, служебная дверь, лестница вниз, поворот к салону. Теперь некоторые двери были закрыты. На одной появился электронный замок, которого, как ей казалось, вчера ещё не было активировано. Возможно, он был всегда, просто она не заметила. Возможно, после её побега на яхте решили, что незаметные меры надёжнее грубого запрета. Алиса провела взглядом по гладкой поверхности панели и почти улыбнулась. Они усиливали защиту. Значит, её попытка была не пустой.

В салоне никого не было, кроме человека из команды, который протирал стеклянную поверхность бара с таким видом, будто его присутствие не имеет к ней отношения. Алиса прошла мимо, не глядя на него, хотя краем зрения отметила, что он поднял голову. За широкими окнами море лежало спокойно, без признаков берега. Это бесконечное открытое пространство, которое в книгах обычно называют символом свободы, сейчас казалось ей самым надёжным видом изоляции. С берега можно свернуть за угол. В городе можно войти в аптеку, смешаться

с людьми, попытаться объясниться. В море некуда идти. Здесь даже горизонт принадлежит тому, у кого есть судно, экипаж и маршрут.

На палубе было прохладнее. Утренний ветер легко трогал волосы, солнце ещё не стало резким, и если бы Алиса находилась здесь по собственной воле, этот час мог бы показаться почти прекрасным. Она подошла к борту и остановилась там, где вчера ещё надеялась, что ближайшая стоянка станет её выходом. Теперь она не могла смотреть на воду без воспоминания о марсельском тротуаре под ногами. Несколько минут настоящей земли сделали возвращение на яхту ещё тяжелее, чем первое прибытие. До побега она знала свободу как потерянную идею. После побега — как ощущение в теле. Она помнила, как бетон порта принял её шаг, как город шумел вокруг, не спрашивая разрешения Максима. И потому теперь каждая полированная деталь яхты казалась ещё более чужой.

— Господин Рейнер просит вас в кабинет, — произнесла Мария за её спиной.

Алиса не обернулась сразу. Она заранее знала, что этот разговор произойдёт. Вчера он был отложен, заглушён дорогой обратно, короткими фразами в салоне, её уходом в каюту. Но люди вроде Максима не оставляют попытки побега без последствий. Они просто выбирают время, когда последствия будут выглядеть не вспышкой злости, а частью решения.

— Просит? — спросила Алиса.

Мария чуть помедлила.

— Да.

Алиса повернулась. В лице Марии было то же спокойствие, но под ним угадывалась усталость. Возможно, вчерашний побег ударил и по ней. Возможно, именно она отвечала за то, что Алиса получила слишком много пространства. Эта мысль вызвала у Алисы неожиданное неприятное чувство, почти вину, и она тут же отвергла его. Её свобода не может быть преступлением против человека, который служит системе её удержания. Даже если этот человек говорит с ней мягко.

— Передайте, что я приду, когда захочу.

Мария не стала спорить. Она кивнула, как будто именно такого ответа и ожидала, и ушла. Алиса осталась у борта ещё минут на десять. Она действительно хотела показать, что не бежит на зов. Но в глубине понимала: разговор ей нужен не меньше, чем ему. Вопросы копились, и если она продолжит строить планы в полной темноте, следующая попытка может привести не к машине Максима, а к тем, кто не станет ждать у тротуара с открытой дверцей.

Кабинет Рейнера находился на уровне ниже главного салона, за дверью, которую Алиса раньше видела только закрытой. Внутри оказалось не так роскошно, как она ожидала. Не было показной тяжести, которой богатые люди иногда обставляют свою власть. Просторное помещение с большим столом, картами на стене, несколькими экранами, закрытыми сейчас тёмным стеклом, полками с папками и книгами. Здесь яхта переставала быть местом для приёмов и становилась инструментом. Алиса почувствовала это сразу. В салонах Максим мог играть роль хозяина. Здесь, вероятно, принимались настоящие решения.

Он стоял у стола, просматривая какие-то бумаги, и поднял глаза не сразу после её входа. Алиса заметила эту паузу и поняла, что она намеренная. Он давал ей возможность войти самой, не встречая её взглядом у порога, не обозначая сразу преимущество. Это могло быть уважением. Могло быть расчётом. Она всё меньше доверяла любым однозначным толкованиям.

— Вы хотели меня видеть, — сказала она.

Максим положил бумаги на стол. Он выглядел так же собранно, как всегда, но сегодня в этой собранности была усталость, которую невозможно было полностью скрыть. Тень под глазами, чуть более жёсткая линия рта, медленное движение руки, когда он отодвигал папку. Алиса заметила всё это с раздражением, потому что не хотела замечать. Усталость врага не должна иметь значения. Но сознание фиксировало детали независимо от её желания, как вчера фиксировало маршрут по Марселю.

— Я хотел поговорить о вчерашнем.

— Какое неожиданное желание.

Он не ответил на насмешку.

— Ваш выход на берег без охраны поставил вас под угрозу.

Алиса медленно прошла к креслу, но не села. Садиться означало бы принимать предложенный формат разговора, а ей хотелось остаться на ногах. Он, кажется, понял это и тоже не сел.

— Вы всё время говорите об угрозе, но ни разу не называете её. Очень удобно. Опасность без имени можно использовать как угодно.

— Некоторые имена лучше не произносить, пока вы не готовы понять, что за ними стоит.

— А кто решает, готова ли я? Вы?

Максим посмотрел на неё внимательно. В его взгляде не было раздражения, и это снова лишало её возможности упереться в простую ссору. Он говорил с ней не как с капризной пленницей, требующей невозможного, а как с человеком, которому, по его мнению, действительно нельзя открыть всё сразу. От этого Алисе было не легче. Напротив, эта серьёзность раздражала сильнее, потому что почти требовала поверить в смысл его молчания.

— Сейчас — да, — сказал он.

Алиса тихо усмехнулась.

— Вы даже не прячете этого.

— Ложь вам не поможет.

— А правда, по-вашему, повредит?

— Не всякая правда освобождает.

Она почувствовала, как внутри вспыхивает злость, резкая и горячая. Такие фразы слишком легко звучали красиво. Ими удобно закрывать двери, прикрывать контроль, делать власть почти философской. Алиса сделала шаг ближе к столу и положила ладони на его край, наклонившись чуть вперёд. Она не собиралась кричать. Крик — слабый союзник, когда перед тобой человек, умеющий выдерживать шум лучше тишины.

— Меня уже лишили выбора. Отец сделал это за карточным столом. Вы сделали это, когда пришли в мой дом. Теперь вы хотите лишить меня ещё и понимания. Объясните мне, почему я должна отличать вас от тех, от кого вы якобы меня защищаете.

Максим молчал долго. Не потому, что не знал ответа. Алиса видела: ответ есть, он почти подошёл к границе губ, но снова был остановлен. В этом молчании было что-то странно тяжёлое, не похожее на самодовольную скрытность. Но для неё результат оставался прежним. Он не говорил. Значит, оставлял её в темноте.

— Вы не должны, — произнёс он наконец.

Эта фраза оказалась неожиданной. Алиса нахмурилась, не сразу поняв, что именно он признаёт.

— Что?

— Вы не должны отличать меня от них на основании моих слов. На вашем месте я бы тоже не отличал.

Слова прозвучали спокойно, но в них было слишком много принятия её ненависти, и это на миг выбило почву из-под ног. Она ожидала защиты, оправдания, хотя бы попытки убедить. Максим же словно разрешал ей не верить ему. И от этого его власть становилась ещё более невыносимой: он мог позволить себе даже её недоверие, потому что решения всё равно оставались за ним.

— Как благородно, — сказала она холодно. — Не требовать доверия у женщины, которую удерживаешь на яхте.

В его лице мелькнула тень, но он не отвернулся.

— Я не прошу доверия.

— Тогда чего вы хотите?

— Чтобы вы не уходили вслепую.

Слово «вслепую» ударило точно в то место, где сидела вчерашняя память о мужчине в серой рубашке. Алиса выпрямилась и отступила от стола. Ей хотелось спросить, кто он. Хотелось потребовать имя, связь, причину. Но она уже знала, что снова упрётся в стену. Максим не скажет. Или скажет так мало, что этого хватит лишь на новый страх, но не на свободу.

— Верните мой телефон, — сказала она.

— Нет.

— Я имею право связаться с кем захочу.

— С кем именно?

Вопрос был спокойным, но в нём вдруг прозвучала не угроза, а какая-то жёсткая практичность. Алиса открыла рот, чтобы ответить, и остановилась. С кем? С отцом, который не взял трубку и не пришёл? С полицией чужой страны, где ей придётся объяснять невозможное без доказательств? С кем-то из прежних знакомых, которые отшатнулись от Виктора задолго до этой ночи? У неё были имена в телефонной книге, но среди них почти не осталось людей, способных стать опорой. Это было унижительное открытие, и она возненавидела Максима за то, что он заставил её столкнуться с ним вслух.

— Это не ваше дело.

— Согласен.

— Но телефон не вернёте.

— Пока нет.

Алиса резко отвернулась к картам на стене. Там были отмечены маршруты, какие-то точки, линии переходов между портами. Она не разбиралась в навигации, но поняла, что часть отметок сделана недавно. Возможно, именно из-за неё. Возможно, из-за тех, кого он не называл. Мир Максима был нарисован линиями движения, а её собственный мир сейчас сжался до каюты, палубы, салона и этого кабинета, где человек с закрытым лицом решал, сколько правды ей вынести.

— Я хочу увидеть отца, — сказала она, не оборачиваясь.

За спиной стало тихо.

— Сейчас это невозможно.

Она закрыла глаза на секунду. То же слово. Невозможно. Оно повторялось на этой яхте слишком часто, и каждый раз означало не законы природы, а чужую волю.

— Он жив?

— Да.

— Где он?

— В безопасности.

Алиса повернулась так резко, что сама удивилась своей реакции.

— Не произносите это слово. Не после того, как он сделал.

Максим принял удар молча. И опять эта его способность не защищать Виктора, не защищать себя, не спорить с очевидным злила её больше, чем любая жестокость. Он оставлял ей право на гнев, но не давал выхода из ситуации. Эта форма власти была изощрённее прямого насилия: она не пыталась доказать, что Алиса неправа, и всё равно делала её бессильной.

— Он должен ответить, — сказала она. — Передо мной. Не перед вами, не перед вашими людьми, не перед теми, кто сидел за столом. Передо мной.

— Ответит.

— Когда вы решите?

— Когда я смогу гарантировать, что эта встреча не приведёт к новой угрозе для вас.

Алиса засмеялась тихо, почти беззвучно. В этом смехе не было ни капли веселья. Только усталость от круга, в котором каждое её требование возвращалось к одному и тому же: Максим знает, Максим решит, Максим не объяснит.

— Вы понимаете, что говорите как человек, который считает себя владельцем моей жизни?

Он выдержал её взгляд.

— Понимаю.

На этот раз в его ответе не было ни оправдания, ни ухода. Алиса почувствовала, как злость на миг сменилась чем-то более сложным. Он понимал. И всё равно делал. Это было хуже неведения. Хуже самоуверенной слепоты. Если он понимал, значит, выбирал сознательно. Значит, где-то в его расчётах её свобода действительно стояла ниже другой цели. Пусть даже эта цель называлась её безопасностью.

— Тогда вы ничем не лучше моего отца, — сказала она.

Фраза вышла тише, чем она ожидала, но именно поэтому стала тяжелее. Максим впервые отвёл взгляд. Не надолго, всего на секунду, но Алиса увидела. Слова попали. Возможно, несправедливо. Возможно, слишком точно. Ей было всё равно. Она хотела, чтобы ему тоже стало больно находиться в этой комнате.

— Ваш отец поставил вас, чтобы спасти себя, — произнёс он после паузы. — Я удерживаю вас, чтобы выиграть время.

— Для кого?

— Для вас.

— Не смейте.

Теперь её голос дрогнул, и она ненавидела это. Не смейте звучать так, будто всё это ради меня. Не смейте превращать мою клетку в доказательство заботы. Не смейте говорить спокойным голосом там, где любой нормальный человек должен был бы хотя бы попросить прощения.

Максим понял больше, чем она произнесла. Лицо его осталось закрытым, но в глазах появилась та самая тяжесть, которую она уже видела у борта после ужина. Он шагнул к столу, взял небольшой ключ-карту и положил её перед собой.

— Доступ в салон, библиотеку, верхнюю палубу и тренажёрную зону. Вы можете перемещаться свободно в этих пределах. Служебные помещения, мостик и берег — закрыты. Если захотите выйти на палубу ночью, предупредите Марию или дежурного. Это не просьба о разрешении, а мера безопасности.

Алиса смотрела на карту и чувствовала, как новая волна злости поднимается медленно, почти спокойно. Он давал ей больше пространства. После побега. После угроз. После всего. Снаружи это могло выглядеть как уступка. На деле это была карта клетки, аккуратно разделённой на разрешённые зоны.

— Вы расширяете вольер, — сказала она.

— Называйте как хотите.

— Я так и буду.

— Хорошо.

Его «хорошо» прозвучало без вызова, и это окончательно лишило разговор формы ссоры. Алиса взяла ключ-карту не сразу. Ей не хотелось принимать её из его рук даже косвенно. Но не взять означало оставить себе меньше возможностей, а она уже решила не путать гордость с самосаботажем. Она подняла карту и сжала её в пальцах.

— Я всё равно попытаюсь снова.

— Знаю.

— И буду пытаться при каждой стоянке.

— Знаю.

Эта повторяющаяся спокойная уверенность должна была прозвучать угрозой, но прозвучала иначе. Будто он не собирался ломать её сопротивление, потому что в каком-то странном смысле считал его правильным. Алиса не хотела разбираться. Она не нуждалась в одобрении собственного побега от человека, который был причиной необходимости бежать.

Она вышла из кабинета без прощания. За дверью стояла Мария, но не слишком близко. Алиса прошла мимо неё и впервые сама воспользовалась новой ключ-картой, открыв проход к библиотеке. Дверь мягко поддалась, и она вошла в небольшое помещение с низкими полками, глубокими креслами и окном, в котором море казалось темнее, чем в салоне. Здесь пахло бумагой и деревом, и этот запах неожиданно напомнил ей прежние книжные магазины, в которые она ходила в Москве, когда ещё верила, что жизнь можно удержать привычками. Она не стала выбирать книгу. Только прошла вдоль полок, отмечая названия, языки, расстояние до второго выхода, который, как выяснилось, вёл обратно к коридору у лестницы.

Свобода в пределах карты. Вот что он ей дал. Она будет пользоваться этим, но не позволит себе забыть цену.

Следующие часы Алиса провела в изучении яхты. Не тайно, почти открыто. Она переходила из салона в библиотеку, из библиотеки на палубу, потом спускалась к небольшому тренажёрному залу, где через панорамное окно видела белую пену у борта. Каждый маршрут она мысленно заносила в блокнот: где камеры, где дежурит персонал, какие двери открывает карта, какие остаются закрытыми, где сигнал тревоги, где можно задержаться незамеченной хотя бы на несколько минут. Люди Максима не мешали ей. Это было частью нового правила. Ей дали пространство, чтобы она не чувствовала стен слишком близко. Но именно поэтому она ощущала их ещё лучше. Невидимые стены всегда требуют более точного воображения.

Уже ближе к вечеру она поднялась на верхнюю палубу. Солнце опускалось к воде, и в воздухе появилась та густая золотистая тишина, которую обычно любят фотографировать люди, путешествующие по своей воле. Алиса стояла у борта, держа ключ-карту в кармане, и думала о том, как быстро человек может научиться ненавидеть красоту. Море было великолепно, яхта безупречна, ветер мягок, и всё это вместе не приносило ни малейшего облегчения. Красота, не связанная со свободой, становилась декорацией к чужой власти. Возможно, поэтому гости вчера так легко принимали её присутствие. Они видели декорацию и не задавали вопросов о том, кто за неё заплатил.

Она уже собиралась вернуться в каюту, когда заметила Максима.

Он стоял ниже, на открытой кормовой площадке, куда не вёл её уровень доступа. Алиса увидела его случайно, через стеклянное ограждение и угол лестницы. Он был один. Не разговаривал по телефону, не отдавал распоряжений, не смотрел на карты. Просто стоял, опершись ладонями о перила, и в его позе было что-то такое, чего она не видела раньше: не власть, не контроль, не холодная собранность, а усталость, почти неподвижная, как если бы человек позволил себе на минуту перестать держать лицо, потому что решил, что его никто не видит.

Алиса замерла. Её первой реакцией было отвернуться. Она не хотела подглядывать за его слабостью, потому что слабость делает врага опасно похожим на человека. Но взгляд остался. Максим смотрел в море, и вечерний свет ложился на его профиль так, что лицо казалось жёстче и старше. В этой неподвижности не было отдыха. Скорее ожидание удара, который он давно знает и всё равно не может предотвратить. На мгновение Алисе показалось, что он тоже пленник, только его клетка устроена иначе: не каюта, не охрана, не запрет на берег, а тайна, которую он таскает за собой, не позволяя никому увидеть её полностью.

Эта мысль была настолько нежеланной, что она почти физически оттолкнула её. Нет. Он не пленник. Он владелец яхты, победитель игры, человек, который забрал её из дома и теперь распределяет ей доступ к пространству, как милость. Его усталость не отменяет её унижения. Его возможная боль не делает её обязанной сочувствовать. Алиса резко повернулась и пошла

к лестнице, чувствуя, что злится уже не на него, а на собственное зрение, которое упрямо замечало лишнее.

В каюте она достала блокнот и долго сидела над чистой страницей. Ей нужно было записать всё, что узнала: ключ-карта, зоны доступа, охрана, закрытые служебные помещения, мостик, кормовая площадка, где Максим бывает один. Но рука не сразу начала писать. Перед глазами стоял он у перил, уставший и неподвижный, словно человек, который в одиночестве выглядит правдивее, чем в любом разговоре. Алиса с силой сжала ручку. Сочувствие, если дать ему имя слишком рано, может стать первой уступкой. Она не имела права на уступки. Не сейчас.

Наконец она написала: «Он не объясняет. Значит, скрывает не только от меня. Возможно, есть причина. Это не оправдание».

Последние три слова она подчеркнула. Потом ещё раз.

За окном темнело. Яхта шла дальше, оставляя за кормой невидимый след, который море тут же стирало. Алиса закрыла блокнот, достала карту дамы пик и положила её рядом с ключ-картой. Две карты, два символа чужой игры: одна напоминала о том, как её поставили, другая — о том, как ей разрешили ходить по выделенным клеткам. Она смотрела на них долго, пока в груди снова не стало холодно и спокойно.

Максим Рейнер мог молчать сколько угодно. Мог расширять границы, выдавать ключи, предупреждать о безымянной опасности, стоять в одиночестве у моря с лицом человека, который сам не свободен от своей тайны. Всё это не меняло главного. Алиса не собиралась привыкать к его правилам. Она будет слушать, смотреть, ждать стоянок, искать слабые места и помнить каждое недосказанное слово.

Потому что человек без объяснений всегда опасен.

А человек, который опасен и при этом иногда кажется уставшим от собственной власти, опасен вдвойне.

Глава 7. Нина

На следующий день Алиса впервые увидела женщину, о которой Максим упомянул так коротко, что имя почти не задержалось в памяти: врач на борту. До этого в её представлении врач была частью той же системы, что Мария, охрана, капитан, люди у трапа, — ещё одна функция дорогой яхты, ещё один человек, обязанный следить, чтобы тело пленницы оставалось в порядке, пока её жизнь пребывает в чужих руках. Но Нина Савельева не вошла в каюту как служащая и не появилась как представитель власти Рейнера. Она постучала, дождалась ответа и переступила порог с маленьким кожаным кейсом в руке, но в её манере не было ни профессиональной холодности, ни мягкой навязчивости людей, которые пытаются выглядеть заботливыми за чужой счёт. Ей было около сорока, может быть, чуть больше, и возраст проявлялся не в усталости, а в спокойствии женщины, давно привыкшей видеть людей без их красивых поз и потому не слишком доверяющей словам.

Алиса сидела за столом с блокнотом, но не закрыла его сразу. После разговора с Максимом она решила больше не прятать свою настороженность так тщательно. Пусть видят, что она запоминает. Пусть понимают, что каждый их шаг становится частью её внутренней карты. Нина заметила блокнот, заметила даму пик, лежавшую рядом с ручкой, и ничего не сказала. Это молчаливое невмешательство сразу отличило её от остальных. На яхте всё обычно получало оценку: взгляд, поворот головы, отсутствие аппетита, попытка выйти на палубу, выбор одежды, пауза перед ответом. Нина же словно позволила вещам быть такими, какие они есть, не превращая их в немедленный отчёт для Максима. Именно это заставило Алису отнестись к ней осторожнее. Прямое давление легче распознать, чем умение не давить.

— Я Нина, — сказала женщина. — Врач. Максим просил меня проверить, как вы себя чувствуете после вчерашнего.

Имя Максима снова легло между ними, как знак принадлежности всего происходящего его воле. Алиса внутренне напряглась. После побега любая забота казалась продолжением контроля, и мысль о том, что её состояние обсуждали без неё, вызвала привычную вспышку злости. Но в голосе Нины не было ни угодливости перед приказом, ни скрытого упрёка к Алисе. Она произнесла фразу так, будто отделяла просьбу Максима от собственной причины прийти. И эта тонкая разница, возможно, была случайной, но Алиса уже слишком внимательно относилась к оттенкам.

— Со мной всё в порядке, — ответила она.

Нина поставила кейс на край кресла и не стала открывать его без разрешения.

— Обычно эту фразу говорят люди, с которыми как раз не всё в порядке.

Алиса посмотрела на неё холодно, готовая к очередной мягкой попытке проникнуть под кожу, но Нина не развила мысль. Она не подошла ближе, не начала спрашивать о сне, аппетите, тревоге, не произнесла ни одного из тех слов, которыми можно обложить человека, как подушками, и незаметно лишит права на гнев. Она просто ждала, и в этом ожидании было меньше власти, чем в ожидании Максима, но больше точности. Нина не торопилась. Она будто знала, что в чужую боль нельзя войти с инструментами наперевес, если хочешь, чтобы тебя не вытолкнули сразу.

— Если вы пришли убедиться, что я не собираюсь падать в обморок, можете передать ему: не собираюсь, — сказала Алиса.

— Я не передаю Максиму всё, что слышу.

Эта фраза прозвучала так спокойно, что Алиса почти не поверила ей. На яхте, где каждый шаг казался частью наблюдения, возможность невысказанного пространства выглядела неправдоподобно. Она откинулась на спинку стула и впервые позволила себе рассмотреть Нину внимательнее. Внешне в ней не было ничего демонстративного: простая тёмно-синяя рубашка,

волосы собраны низко, лицо без следов желания нравиться. Она не была похожа ни на светских гостей вчерашнего ужина, ни на безупречно нейтральную Марию. В ней чувствовалась другая биография, не принадлежащая полностью этой яхте. Возможно, именно поэтому рядом с ней воздух не становился мягче, но становился чуть честнее.

— Почему я должна вам верить?

— Не должны.

Ответ пришёл без паузы. Алиса невольно усмехнулась, потому что этот ответ слишком напоминал Максима и одновременно был совсем другим. Максим говорил «не должны» как человек, принимающий недоверие, но всё равно сохраняющий власть. Нина говорила так, будто действительно не претендует на чужое доверие раньше времени.

— Вы все здесь хорошо выучили эту фразу, — сказала Алиса.

Нина чуть заметно улыбнулась, но улыбка не была весёлой.

— На этой яхте вообще многие фразы приходится выучивать, чтобы не говорить лишнего.

Вот это уже было интересно. Алиса почувствовала, как внутри сразу напряглось внимание. Нина, возможно, поняла это, но не стала отступать и не стала развивать намёк слишком очевидно. Она всё-таки открыла кейс и достала тонометр, небольшой фонарик, упаковку стерильных салфеток. Движения у неё были точные, не суетливые, и Алиса вдруг представила, что эти руки наверняка работали не только в мягких каютах и не только с людьми, у которых страх аккуратно прикрыт дорогими простынями. В движениях Нины чувствовался опыт другой медицины: менее блестящей, более настоящей.

— Я не буду вас трогать без согласия, — сказала она. — Могу просто задать несколько вопросов. После вчерашнего у вас могла быть тахикардия, головокружение, скачок давления. Стресс иногда притворяется характером, но тело всё равно выдаёт своё.

Фраза была почти сухой, медицинской, но Алиса услышала в ней не насмешку, а странную форму уважения. Нина не называла её истеричной, не просила успокоиться, не уговаривала быть благоразумной. Она лишь напоминала, что тело не обязано быть таким же гордым, как воля. И Алиса, сама не понимая почему, позволила ей измерить давление. Возможно, потому что устала сопротивляться каждому движению. Возможно, потому что Нина не пыталась сделать это сопротивление нелепым.

Манжета сжала руку, и в комнате на несколько секунд стало тихо. За стеной где-то прошли люди, едва слышно изменился звук двигателя, по стеклу скользнул солнечный блик. Алиса смотрела на лицо Нины и думала о том, что эта женщина, вероятно, давно знает Максима. Не служит ему только за зарплату, не боится его так, как боится наёмный персонал, и не восхищается им, как некоторые гости. Между ними должно было быть что-то другое — старое доверие, общее прошлое, возможно, тайна. Алиса почти физически чувствовала, что Нина является одним из ключей к тому, что Максим скрывает. Но ключи не открывают двери, если ломать их слишком резко.

— Вы давно его знаете? — спросила она.

Нина сняла манжету, посмотрела на цифры и только потом ответила.

— Достаточно давно, чтобы не считать его простым человеком.

— Это должно звучать как комплимент?

— Нет.

Алиса ждала продолжения, но Нина снова замолчала. Вот оно, семейное качество всех людей вокруг Максима: сказать ровно столько, чтобы породить вопрос, и остановиться на самом важном. Алиса почувствовала раздражение, однако в случае Нины оно было не таким чистым. Слишком трудно было понять, она защищает Максима или Алису от ответа.

— Он считает себя спасителем? — спросила Алиса. — Или это вы все решили за него?

Нина закрыла кейс не сразу. Её пальцы задержались на металлической застёжке, и Алиса заметила это короткое движение. Оно было почти незаметным, но в нём промелькнула усталость.

— Максим редко считает себя спасителем. Скорее наоборот.

— Удобно. Можно делать что угодно и страдать от собственной сложности.

На этот раз Нина посмотрела на неё прямо. Не осуждающе, не резко, но так внимательно, что Алиса почувствовала: перед ней не человек, которого можно легко оттолкнуть язвительностью.

— Можно, — сказала Нина. — А можно однажды выбрать плохой способ, потому что хороший уже не успевает.

В комнате стало тише, чем было. Алиса не ответила сразу. Эти слова слишком явно касались её, той ночи, покерного стола, Максима, который выиграл её, возможно, у кого-то ещё. Они не оправдывали, но и не позволяли оставить картину прежней. Алиса ненавидела такие фразы. Они не открывали правду, только делали ненависть менее удобной. И всё же она не могла не услышать в голосе Нины не защиту Максима, а след чего-то пережитого. Женщина говорила не как адвокат, а как свидетель, которому тяжело повторять виденное.

— Хороший способ чего? — спросила Алиса.

Нина опустила взгляд к кейсу и застегнула его.

— Остаться живой.

Алиса резко встала. Стул почти бесшумно отъехал по мягкому покрытию, и это отсутствие звука почему-то усилило её раздражение. На этой яхте даже резкие движения не имели права прозвучать как следует. Нина не испугалась и не отступила, но в её лице появилось сожаление, будто она действительно сказала больше, чем собиралась.

— Это опять его слова? — спросила Алиса. — «Вы не понимаете, вам опасно, берег хуже яхты, подождите, пока мы решим, сколько правды вам можно дать». Вы правда думаете, что мне от этого легче?

— Нет, — сказала Нина. — Я думаю, вам от этого тяжелее.

Ответ обезоружил её на секунду. Алиса отвернулась к окну, за которым море было слишком спокойным для разговора о жизни и смерти. Ей хотелось удержать злость, но Нина каждый раз не давала ей упереться в ожидаемую стену. Не утешала, не спорила, не требовала благодарности. Просто признавала тяжесть, и от этого злиться становилось некуда, кроме как внутрь.

— Тогда зачем вы это говорите?

— Потому что вы умная, — ответила Нина. — И потому что умный человек в темноте начинает достраивать неизвестное сам. Иногда получается страшнее, чем правда. Иногда — опасно проще.

Алиса медленно повернулась. В этих словах было слишком много точности. Она действительно достраивала. В своей голове уже десятки раз разложила Максима на удобные роли: победитель, тюремщик, человек с властью, игрок, который получил её как часть партии. После Марсея к этим ролям добавилась другая, нежеланная: человек, который мог знать о настоящей угрозе. Но Нина говорила о чём-то большем. Не оправдание, не обещание скорого освобождения, а предупреждение: если Алиса упростит слишком сильно, она может сделать неверный ход.

— Вы хотите, чтобы я перестала пытаться сбежать?

Нина покачала головой.

— Я хочу, чтобы вы не принимали решение только из ненависти.

Алиса почувствовала, как эта фраза задела её глубже, чем хотелось бы. Ненависть была её опорой. После предательства отца, после появления Максима, после яхты, платья, ужина, возвращения из Марсея именно ненависть держала её ровно. Если отнять её слишком рано, останется голый страх. А страх она не могла себе позволить.

— Ненависть хотя бы моя, — сказала она тихо. — Здесь мало что осталось моим.

Нина долго смотрела на неё, и в этом взгляде впервые появилась настоящая мягкость. Не жалость — жалость Алиса бы не вынесла, — а понимание, которое не пытается присвоить чужую боль. Потом Нина подошла к столу, достала из кейса маленькую упаковку успокоительного чая и положила рядом с графином.

— Это тоже будет вашим, если захотите. Не лекарство, не способ сделать вас удобнее. Просто чай. Можно выбросить.

Алиса посмотрела на упаковку, потом на Нину. Этот странный, почти бытовой жест почему-то тронул её сильнее всех красивых удобств, которыми была наполнена каюта. Платья в шкафу, дорогие простыни, вода в хрустальном графине — всё это принадлежало системе Максима. Маленькая упаковка чая, которую можно выбросить без объяснений, впервые за всё время была предложением без требования. Алиса не взяла её, но и не отодвинула.

— Вы всегда так осторожны? — спросила она.

— Нет, — сказала Нина. — Раньше была глупее.

В этой фразе мелькнуло прошлое. Не рассказанное, но осязаемое. Алиса поняла, что если сейчас спросит прямо, Нина закроется. Поэтому промолчала. Иногда вопрос, не заданный вовремя, даёт больше, чем ответ, выбитый силой.

После осмотра Нина предложила выйти на палубу, но не как сопровождающая. Она сказала это почти небрежно, будто ей самой нужно подышать воздухом, и Алиса, поколебавшись, согласилась. Возможно, из упрямства: она не будет прятаться в каюте. Возможно, из желания проверить, как ведёт себя Нина за пределами комнаты. Они прошли по коридору вместе, и Алиса отметила, что охрана смотрит на Нину иначе, чем на Марию. Не строже и не мягче — осторожнее. Перед Ниной не заискивали, но ей уступали дорогу без распоряжений. Значит, её положение на яхте было особенным. Не просто врач, не просто подруга. Человек, которому позволено знать больше, чем остальным.

На палубе было пусто. День выдался ясный, море лежало широкими светлыми пластами, и яхта шла так плавно, что движение угадывалось только по ветру. Нина остановилась у борта, достала из кармана солнцезащитные очки, но не надела их. Алиса встала рядом, сохраняя расстояние. Некоторое время они молчали. Это молчание не давило. Нина не пыталась заполнить его вопросами, не изображала дружбу, не требовала исповеди. Алиса почти забыла, каково это — находиться рядом с человеком, который не требует от неё немедленной роли.

— Вы боитесь его? — спросила она вдруг.

Нина поняла, что речь о Максиме, но ответила не сразу. Она посмотрела куда-то за корму, туда, где вода закрывалась за яхтой и быстро стирала след.

— Нет.

— А должны?

— Иногда бояться стоит не тех, кто рядом.

Фраза могла бы звучать как очередной туманный намёк, если бы в голосе Нины не появилось что-то жёсткое. Не страх перед Максимом, именно страх перед кем-то другим. Алиса уловила это слишком ясно. Вчера Марсель уже показал ей мужчину в серой рубашке. Сегодня Нина, сама того, возможно, не желая, подтвердила: опасность не была выдумкой Максима. Но кто? Кравец? Имя, услышанное на ужине, всплыло в памяти с неприятной точностью. Она хотела спросить, но Нина повернула голову первой и встретила её взгляд.

— Не спрашивайте меня сейчас, если хотите получить ответ позже, — сказала она.

Алиса сжала пальцы на поручне. В этой фразе не было запрета, скорее просьба человека, который понимает цену преждевременного разговора. И всё же это снова было лишением. Опять позже. Опять не сейчас. Опять кто-то решает, когда она достаточно готова для собственной жизни.

— Вы все думаете, что я сломаюсь от правды.

— Нет. Я думаю, вы можете броситься на неё, как на дверь, и не заметить, что за дверью стоит человек с ножом.

Нина произнесла это спокойно, без подробностей, без попытки напугать образами, но смысл был достаточно ясен. Алиса почувствовала, как внутри всё холодеет. Она отвернулась к воде, не желая, чтобы Нина увидела реакцию. Не потому, что та сказала что-то ужасное. Скорее потому, что её слова оказались слишком правдоподобными. Алиса действительно бросалась к любой двери, потому что дверь означала выход. Но после Марселя она уже знала: не всякий выход ведёт наружу. Иногда он ведёт из одной ловушки в другую.

Они простояли у борта довольно долго. Нина не возвращалась к разговору, и именно это позволило Алисе немного успокоиться. Ветер трогал волосы, солнце слепило, палуба под ногами была тёплой. Где-то вдалеке прошёл катер, оставив на воде длинный расходящийся след. Алиса подумала, что если бы встретила Нину в другой жизни — в больнице, в аэропорту, в кафе, — возможно, доверилась бы ей быстро. Но эта мысль тут же вызвала внутренний протест. Здесь нельзя доверять быстро. Здесь даже человеческое лицо может быть частью хорошо продуманной системы.

Когда они возвращались внутрь, в коридоре у поворота появился Максим. Он шёл навстречу, разговаривая с капитаном, но замолчал, увидев их. Алиса сразу заметила, как изменилось лицо Нины — не испуг, не подчинение, а что-то почти родственное: короткая безмолвная проверка, понятная только им двоим. Максим посмотрел на Нину, потом на Алису. В этом взгляде не было вопроса, но Алиса ощутила, что он хочет понять, что именно было сказано. Нина ответила ему раньше, чем он заговорил.

— Давление нормальное, — произнесла она. — Сон плохой, что неудивительно. Остальное переживёт.

Алиса услышала это «переживёт» и не сразу поняла, почему оно не прозвучало жестоко. Возможно, потому что Нина сказала его не о слабости, а о силе. Максим кивнул, но его взгляд задержался на Алисе чуть дольше. Он словно хотел сказать что-то, потом отказался. Она прошла мимо него, не замедляясь, и только уже за поворотом позволила себе выдохнуть. Нина шла рядом и не оглядывалась.

Вечером Алиса снова раскрыла блокнот. Страница долго оставалась пустой. О Нине было трудно писать сухо, как о маршрутах и дверях. «Врач. Подруга Максима. Не боится его. Боится кого-то другого». Она остановилась, перечитала и добавила: «Говорит мало, но не как остальные. Не оправдывает полностью. Предупреждает». Рядом с этими словами она поставила вопросительный знак. Потом ещё один, меньше, почти незаметный. Ей не хотелось признавать, что встреча с Ниной что-то изменила, но отрицать это было бы глупо. Мир на яхте стал сложнее, а значит, опаснее. Но в этой сложности появились не только стены. Появилась трещина, через которую можно было увидеть не свободу пока, нет, а хотя бы очертания скрытой правды.

Она взяла упаковку чая, оставленную Ниной, и долго держала в руке. Выбросить было бы проще. Принять — значило бы признать, что не всякое действие на этой яхте направлено против неё. В конце концов Алиса положила чай в ящик стола, не заварив и не выбросив. Это было единственное решение, на которое она была готова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.